
АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Л.С.Клейн

КАТАЛОГ КОРАБЛЕЙ: СТРУКТУРА И СТРАТИГРАФИЯ

L.S.Klejn. The Catalogue of Ships: structure and stratigraphy

Two catalogues of the 2d song of Iliad – the Catalogue of Ships and the Catalogue of Trojan Forces – produced a large and contradictory literature. Nevertheless there is a possibility to bring new factors into their comprehension. For this sake, behind the complexity and chaos of the catalogues it is necessary to try revealing their original structure corresponding to principles of Geometric style. This implies revealing it with the help of structural-comparative analysis by taking off one by one features of various periods, each of such features being distinguished by their specific structural elements.

On the map, the kingdoms located by the Catalogue of Ships superimpose and sometimes simply coincide territorially (kingdoms of Odysseus and Meges; Achilles and Aiaxes Oïlios, Guneos and Lapythes; Philoktetos, Eurypilos and Magnetes). This means that the data on them were included in the text not together and simultaneously, but separately and in different times. The outlined by the Catalogue kingdoms of the main heroes don't correspond to the indications in the other songs of the Iliad (Agememnon and Diomedes are linked by several details not with Argolid which their kingdoms supposedly share and divide, but with Sparta and Sicyon). That means that the Catalogue appears an artificial construction.

As Nilsson noted, the text of the Catalogue is built of two types of formulae: in one peoples are archaically advanced on the foreground, in the other - chieftains, leaders are on the foreground. Cymburskij added to this his observation that in the formulae of the first type numbers of ships are large and round while in the formulae of the second type – small and non-round. He did not make the suggested by itself inference that the mythological thinking of the singers was different.

Continuing the division we receive in the group with the small numbers of ships two subgroups: one (with 12 ships per each cell) for the island heroes (Odysseus, Aiaxes Oïlios and Tlepolemos with Nireos), the other (mainly with the ship number multiple to 11) for heroes who do not participate in battles. All of them are not the heroes on which the plot of Iliad rests.

From the cells with the large number of ships the subgroup with «hollow» ships is isolated, the number of which is multiple to 30. All their lands (kingdoms of Nestor and others) are connected with the cult of Asklepius. The other group is singled out by the formula «40 black ships came in hurry with him to Ilios» (in one case the number is 50). All these heroes originate from Athens and shores of Korynthos bay. The third group: two chieftains – Diomedes and Idomeneus. They have 80 ships each, but in each kingdom there are two capitals (i. e. per 40 ships for each one) and the second capital in each case is marked by the same rare epithet.

After singling out of all these groups, the left set of 11 detachments shows homogeneity and symmetry in the terrestrial ordering (turning the set with front to the east, to Troy): in the centre Peloponnesian army – the Mycenaean detachment of Agememnon of 100 ships and 2 subjected detachments of 60 ships each (in sum 120); on the left flank there are 4 detachments from Central Greece (Beotian of 50 ships and three of 40 each); on the right flank there are 4 detachments from the North Greece (Achilles with 50 ships, the three others with 40 each). On each flank 120 ship teams.

In 20 formulae Greek designation of the ship is spelled in Aeolian manner – with «eta» while Ionian spelling (with «epsilon») is accepted in all cells of Nestor's subgroup (apparently late) and in all those cells of the main symmetrical structure where the numbers of ships are not 40 and not 100. That means that Ionians reformulated both cells where the number of ships was 60 (the centre) and where the number was 50 (the main in the flanks). So they stressed hierarchy. Evidently in the original structure the number 40 (and 4 chieftains at the head of the detachment) was the most popular. It corresponded to the tetrapolis and to four philae in social structure. The change reflects Anatolian novelties (organisation in 6 philae) and the inclination to pentapolis in archaic Greece. The numbers 12 and 11 probably are connected with Ionian and Aeolian unions of Greek cities in Asia Minor.

The violation of the symmetry appears when we confront the imagined front line of troops against Troy with the real extent of the list of Greek detachments (ordered by their origins) from north to south. Achilles' army is put on the right flank (for this hero to be the right hand of the commander of the coalition). Yet it represents the extreme north, not the extreme south! It is with it that the most impressive impositions of kingdom territories are connected. That means that this is a comparably late addition as well.

If we subtract this addition, 7 detachments remain: Boeotians, Locres, Phocaeans, Abantes, Mycenaean, Lacedemonians and Arcadians. This coincides almost completely with that Penthilos' flotilla that according to Srabo much later than the Achaean time (but a few centuries before Homeric singers) departed from Aulis to the east to found colonies in Asia Minor. Apparently this is just the initial core of the legend of Achaean raid to Ilios. Penthilos was a descendant (or imagined descendant) of Agememnon. Thus the analogous raid was ascribed to the ancestors, that is more ancient heroes.

The study of the Catalogue of Trojan forces applies the same model as in case of the Catalogue of Ships. Principle of its organisation is the same. First Trojans are shown, then inhabitants of neighbour districts, with the distant allies in the third tier. Like in the Catalogue of Ships, two kinds of detachments can also be isolated in this third tier according to the form of presentation (exposition): those (presumably earlier) in which first the people is called, and those (presumably later) in which the chieftains are first exposed. Peoples with

© Л.С.Клейн, 2000.

© Английское резюме Ю.Д.Тимофиной, 2000.

troops in front of chieftains are located nearer to Troad, those where the chieftains are ahead build the farther periphery.

There is some parallelism between catalogues: the numbers 12 and 11 in the Trojan catalogue also characterise some blocks of cells, but here chariots are mentioned along with the ships (and more often than the ships). In the rest of the text of Iliad these detachments also closely interact with corresponding detachments of Achaeans: Lycians and some Thracians – with island Achaean 12-ship detachments. The earlier cells of the Trojan catalogue with 11 chariots sent from the nearest vicinity of Ilios are similar to 11-ship detachments of Aeolian Achaeans of Thessaly not only by the number of battle units, but by a special passion to horses and some other features. Apparently they were included into the catalogues by the same singer.

Hector belongs to the last detachments (in the description of his armament 11 is the basic number). Yet, similar to Aeneias, he was initially not included in the catalogue. This was only the catalogue of allies of Trojans, namely as such it was known to Cypria. Aeneias and Hector were included on the places of leaders of the coalition certainly late, and those whose places they had taken – Priamos and Paris - did not appear in the catalogue at all: one of these heroes lost the warrior's characteristics by the time of inclusion of the catalogues into the Iliad, the other entered the Iliad already as a non fighting figure.

So the development of Catalogues reflects the history of the entire poem.

Предварительные замечания. Предлагаемая здесь работа была в основном выполнена тогда же, когда я активно занимался Гомеровскими исследованиями, то есть в середине и второй половине 80-х. Исследования эти завершились двумя монографиями, вышедшими в 90-х, – «Бесплотными героями» и «Анатомией Илиады» (Клейн 1994; 1998), а работа над «Каталогом кораблей» осталась неоконченной, будучи отсечена другими темами. Предполагался такой же том, и есть черновая рукопись. Однако я успел изложить в двух сочинениях основные положения и доказательства этого тома. Во-первых, в 1996 г. я послал доклад о результатах этой работы на международную

конференцию в Москве «Троя и ее сокровища», проводившуюся музеем им. Пушкина (сам я на конференцию не смог приехать; текст докладов конференции было запланировано напечатать на английском языке, но я не имею сведений о реализации этих планов). Во-вторых, я подготовил сокращенное изложение для одного научно-популярного журнала, но оно оказалось слишком большим для него и не было напечатано.

Ныне я решил опубликовать его в научном журнале, не изменяя стиля и языка (кто сказал, что для ученых нужно писать непременно на гелертерском языке?), но добавив ссылки на научную литературу. Вот такой гибрид и представляю вниманию читателей.

I. СТРУКТУРА

1. Незнакомый Гомер. Историки и филологи привыкли доверять традиции. При всех поклонах в сторону критики источников, обычно ей не рады. Каждый очередной успех критики встречается в штыки. В посягательствах на старые истины видят нигилизм, безответственность, разрушение основ. Что уж и говорить, если покушение приходит не из цеховой науки, а извне. Наглецу не сдобровать.

Оно и понятно. История строится на традиции. Фольклор и литература тоже – в значительной мере они и есть традиция. А уж коли ученый провел свой век в плодотворных штудиях, факты его науки приобрели для него ранг святынь. Он привык к ним, полюбил их, приспособил к ним свои мысли и чувства, свое творчество. Даже если он новатор: он создал новые идеи, но на базе того, что есть в науке. Он признает новшества, но лишь свои. Всё остальное должно оставаться нерушимым. Любые перемены воспринимаются очень болезненно: цепная реакция от них может задеть и его собственные достижения. Известны случаи, когда фундаментальные перемены в математике и физике вызывали самоубийства маститых ученых.

Я не новичок в науке. Я понимаю, на что иду, подвергая сомнению основополагающие факты, да еще не в своей собственной отрасли науки, а в смежной. Но, может, поэтому мне и виднее: не нарушена привыканием свежесть взгляда. А с другой стороны, надеюсь, исследова-

тельский опыт уберезит меня от промахов дилетанта. И сразу внесу важную оговорку: речи о нигилизме я считаю демагогией. В науке и отрицание – не негативный, а позитивный вклад, если оно обосновано: расчищает поле для продвижения к истине. Более того, как правило, критика источников – это не только отрицание, это также и утверждение: вместо прежнего понимания источника рождается новое понимание. В сущности, рождается новый источник (или источники). Так что речь должна идти о созидательной работе.

Однако в моем вторжении в смежную науку есть еще и усугубляющее обстоятельство: объект моих обескураживающих исследований по-настоящему велик. Для всех культурных людей он по праву является святыней Это, страшно вымолвить, Гомер, «Илиада» и «Одиссея». Почти три тысячи лет традиции, пиетета и славы. И я слышу возмущенные голоса: да кто посягнул! да как он посмел! Реальные голоса, не воображаемые. Одно из самых, казалось бы, мягких выражений неприятия прозвучало из уст маститого историка-античника: «Это мне несимпатично». На деле это самое тяжкое, самое категоричное осуждение. Против него и возразить нечего.

Не буду оправдываться тем, что не я первый. У моих далеких предшественников худая слава. Имя одного из критиков Гомера стало нарицательным: Зоил – значит мелкий и завис-

тливый ругатель гения. Позднейшие критики, так называемые аналитики (они расчленили текст), снискали уважение своими глубокими штудиями, но также ярость и гнев ревнителей неприкосновенности Текста – унитариев. В XX веке концепция унитариев возобладала, особенно в нашей стране, хотя и с поправками на критику. Так что вряд ли имеет смысл ссылаться на прецеденты: обвинения в кощунстве не умолкнут. Не спасет и поддержка отдельных трезвомыслящих ученых.

Спешу внести ясность: на что я посягнул. «Потрепшем лавры старика» – говаривал один из лицейских учителей Пушкина, приступая в аудитории к очередному классику. Я не собираюсь трепать лавры великого певца. Не посягаю на умаление его славы. В моем исследовании вообще не затрагиваются художественные достоинства эпоса. Ересь моя в ином: подобно аналитикам XIX века, я усомнился в авторстве. Но если у меня появились подозрения, что автором не был тот, кому молва приписывала гениальные поэмы или что он был не единственным автором, то это значит лишь, что я пытаюсь вернуть авторство подлинным творцам. И дело здесь не просто в восстановлении исторической справедливости, а еще и в объяснении многих неясностей и противоречий эпоса, в восстановлении реальных истоков греческой (и мировой) поэзии, в выяснении действительной среды, эпохи и событий отразившихся в Илиаде и Одиссее.

Я уже выступал в научных аудиториях с докладами (Клейн 1984; 1985а) и в популярных журналах с очерками (Клейн 1985б; 1986а; 1986б), в которых доказывал, что в Гомеровском эпосе слились предания о походах на разные малоазиатские города – Илион, Троя и Пергам, что Троя находилась в другом месте, чем Илион, обнаруженный Шлиманом, что взятия Трои греками-ахейцами в реальности не было, как и взятия Илиона, что под сомнением и Троянская война как успешная экспедиция объединенных греческих царств на Северо-Запад Малой Азии в микенское время. Героический эпос имел свою историю. Поэмы переходили из уст в уста (тогда это еще были не поэмы, а песни), развивались, дополнялись. Описания событий подвергались изменениям, то есть в них сами события меняли облик. В научных журналах и сборниках (1985в; 1986в; 1990а; 1990б; 1990в; 1990г; 1992) я начал публиковать более полные реконструкции первоначального содержания поэм и здесь вкратце повторю их. Гектор, оказывается, не был сыном царя Приама (в частности, к его имени в поэме не удалось прирасти отчество Приамид), Парис – вообще имя позднее, выдуманное... Но так можно далеко зайти! Верно, можно. И нужно, если иметь желание разобраться в связях эпоса с историей.

Затем в двух монографиях (Клейн 1994;

1998) я предложил и новую порцию «разоблачений»: Агамемнон – не царь Микен, Диомед – не царь Аргоса, Ахилл – не из Фессалии, Одиссей – не с Итаки, Гектор – не вождь троянцев, Гомер – не творец Илиады. Точнее, не единственный творец: далеко не всё в ней принадлежит ему. В частности, ни один из названных здесь образов не был введен им – они все уже существовали в эпоху до него. Как это можно установить? В монографиях это устанавливается статистическим анализом текста «Илиады» и рассмотрением догомеровских культов каждого из основных героев поэмы.

2. Каталоги и геометрический стиль. Здесь я хочу подтвердить и дополнить выводы о структуре поэмы и предложения по реконструкции ее формирования. Я собираюсь это осуществить детальным анализом одной из частей Илиады – каталогов в ее второй песни (или лучше сказать второй книге), каталогов военных коалиций, прежде всего так называемого Каталога кораблей. Разумеется, на фоне всего текста поэмы с привлечением и других древних текстов (здесь, конечно, представлена лишь выжимка из полного анализа). Уцепиться за Каталог кораблей – это была счастливая идея. Увидеть в нем структуру и понять ее – прозрение и труд.

В начале XX века Э. Дреруп выдвинул идею, что геометрический стиль Гомеровского времени (VIII в.) должен сказываться на структуре «Илиады» и вообще на эпосе – в частом делении на три части, в симметрии, в рамочной композиции (Dreger 1903; 1913; 1921: 278). И.А.Нотопулос подробно анализирует возможности отыскать в эпосе особенности геометрического искусства – прямолинейное движение и построение войск, расположение ахейских и троянских лагерей, круговую (рамочную) композицию, симметрию во всем (Notopoulos 1957). Б. Андре и Г. Флажар добавили к этому сопоставления («структурные эквиваленты») вазового искусства и гомеровского эпоса (Andreae, Flashar 1977).

Ряд исследователей занялся конкретным выявлением рамочных композиций, тройных делений, симметрии в «Илиаде» (Draheim 1914; Shepard 1922; Myres 1932; Otterlo 1944; 1948; Lohmann 1970; Гордезиани 1983). Применяли эту идею и к Каталогу кораблей. Уже Дреруп пытался отыскать симметрию в его цифрах. С.Бенардет усматривал симметрию в расположении основных героев в Каталоге: от Одиссея по обе стороны отстоят на 6 мест Ахилл и Агамемнон (Benardete 1963: 15, п. 1). Если это намеренное выстраивание, то непонятно, почему в центре Одиссей (второстепенный для «Илиады»), а не Агамемнон или Ахилл.

Уже в начале века Ф. Штелин использовал идею Дрерупа против аналитиков в своей работе «Геометрический стиль в Илиаде» (Stählin 1923), и симметрия не раз фигурировала в споре унитариев с аналитиками. Унитарии ссыла-

лись на симметрию как на признак, выявляющий единство структуры поэмы и, следовательно, как на доказательство ее единоличного авторства. Они были очень изобретательны в отыскании симметричных частей и компонентов в «Илиаде». Ф. Штюрмер даже подсчитывал стихи в разных смысловых отрезках – не выдаст ли их количество симметрию? (Stürmer 1919). Аналитики в ответ говорили, что всё это бессмысленно, поскольку никогда и нигде «Илиада» не фигурировала и не должна была фигурировать как целое – она слишком велика (У. Вилламовиц), что нельзя на месте древнего певца представлять себе конструктора (Г. Финслер), что все эти деления на две-три равных части просто естественны для любой человеческой деятельности (П. Кауэр) и т.п. (Wilamowitz 1912: 17; Cauer 1916: 612; Finsler 1924: 261 – 263). Я тоже поддерживал эту критику и развивал ее (Клейн 1998: 10, 218 – 221).

Но сама мысль о соблюдении певцами законов геометрического искусства в поэзии плодотворна, если ее не проецировать на всю грандиозную поэму и не воображать певца хитрым конструктором. Можно полагать, что реализацию этих законов – деление на три части, симметрию, прямолинейность – скорее (и гораздо больше) можно увидеть не в композиции самой поэмы (она была более свободна и переменчива, потому сложна), а в изображаемом (и воображаемом) содержании. В том, как певец представлял себе и слушателям изображаемую реальность, изображаемый мир. То есть более правомерна для исследования та геометрия, которая для певцов была проекцией воображаемых гармоний на изображаемую действительность, проекцией идеальных форм организации, принятых в среде аэда.

Разумеется, это могут быть и не симметричные структуры – иерархические, аддитивные. Раппорт, повторение однообразных элементов – одна из особенностей геометрического стиля. Для него характерна любовь к упорядочению, перечню, подбору. Эта страсть к упорядочению характерна вообще для человека, но особенно именно для сравнительно примитивного уровня развития психики (Клейн 1997), а таким и было общество Темных веков, на выходе из которого стоит Гомеровский эпос. Именно в самом каталогизировании можно усмотреть проявление геометрического стиля в эпосе. И, конечно, в построении каталогов.

Каталоги Второй песни «Илиады» сложны, хаотичны. Еще Карл Отфрид Мюллер писал о Каталоге кораблей: «Весь каталог, как известно, составлен из самых различных частей, совершенно бессвязных и даже иногда противоречащих друг другу» (Müller 1844: 205). Это не свойственно геометрическому стилю и может быть расценено как усложнение, внесенное историей. Нужно попытаться вскрыть более простую первоначальную структуру за этими насло-

ениями. Разумеется, не простым следованием идее, а структурно-сравнительным анализом, то есть выявляя стратиграфические горизонты по сходству специфических структурных элементов и снимая один за другим эти горизонты для обнаружения первоначальной структуры.

3. Два вопроса, три гипотезы. Величественные дворцы, битком набитые придворными; регулярные армии с колесничным войском и парусным флотом; отряды писцов, ведущие учет доходам царей и их расходам (вплоть до обеденного рациона последнего раба); обильные жертвоприношения многочисленным богам и богиням... Всё это было, и всё пошло прахом. XIII век до н.э. С его окончанием исчезла микенская Греция, распалась система царств, забыта оказалась слоговая письменность, а новая, алфавитная, будет заимствована у финикийцев через 5 веков. Воинственные племена с севера заполонили материк, неся с собой одичание и разруху.

И только легендарный Гомер с двумя грандиозными поэмами «Илиадой» и «Одиссеей» сохранил предание, связующее две эпохи греческой истории, и перебросил мост через Темные века.

В «Илиаде» 15 693 стихотворные строки. Из них 366 во второй из 24 песен (книг) составляют собственно Каталог кораблей. Это одна пятая-десят девятая часть «Илиады». Еще 62 стиха той же песни составляют Каталог троянских сил. Это одна двести пятьдесят третья. Но во II веке до н.э. Аполлодор Артемидский написал труд в 12 книгах о Каталоге кораблей, а Деметрий из Скепсиса – труд в 30 книгах о Каталоге троянских сил. И они были не первыми (называя автором VI века до н.э. Дамаста и других). С тех пор о Каталогах всё пишут и пишут. В моей картотеке числится более полусотни работ нового времени специально о Каталоге кораблей (Köchly 1853; Düntzer 1855; Raspe 1869; Schwartz 1871; Erhardt 1892; Schmid 1925; Jacoby 1932; Heubeck 1949; Focke 1950; Marot 1950; 1960; Huxley 1956; Sarkady 1974; и др.), в том числе не менее дюжины книг и крупных статей (Niese 1873; Allen 1910; 1921; Leaf 1922; Burt 1944; Jachmann 1955a; 1955b; 1958; Гордезиани 1967; Giovannini 1969; Hope Simpson, Laesenby 1972; Андреев 1980 и др.), и это не считая глав в общих трудах по Илиаде (напр. Page 1959; Гордезиани 1978 и др.). В чем сила этих строк, привлекающая к ним внимание ученых?

«Рать беотийских мужей предводили на бой воеводы: Аркесилай и Леит, Пенелей, Профоенор и Клоний. Рать от племен, обитавших в Гирии, в камнистой Авлиде, Схен населявших, Скил, Этеон лесисто-холмистый...»

По общему признанию, это наименее художественная часть Илиады. Немецкий просветитель А. Гумбольдт утверждал, что в момент смерти он обратится к стихам Гомера, «пусть даже из Каталога кораблей». Поэт О. Мандель-

штам признавался:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я Список кораблей прочел наполовину...

Положа руку на сердце: кто из неспециалистов мог одолеть больше? Сухой перечень имен – воевод (с подсчетом кораблей, приведенных ими), племен, городов и местностей, из которых они прибыли. Казалось, автора заботила всего лишь одна мысль: только бы уложить все 223 имени в размер. И 90 имен в Троянском каталоге. Но в результате вырисовывается вся география греческой коалиции, прибывшей под Троя-Илион, а прибыла туда почти вся Греция. В дополнительных 62 строках – география противостоявшей им Троянской коалиции, то есть всей Малой Азии и прилегающей части Европы. Троянская война – первое на глазах истории столкновение Европы с Азией. Начало истории.

И первое столкновение ученых: происходило это всё в годы предполагаемой Троянской войны и отражает реальность XIII века, конца микенской Греции, или это была гораздо более поздняя география, наложенная авторами Гомеровского времени (VIII – VII веков до н.э.) задним числом на эпоху, отстоявшую от них на пятьсот лет, и эта география соответственно отражает в основном Гомеровское время?

Сторонники первой точки зрения (среди них Д. Пейдж) указали, что все главные центры эпоса – «златообильные» Микены, неприступный Тиринф, Кнос, Пилос – процветали в микенское время, в бронзовом веке, а в исторической Греции были ничтожными деревушками или вовсе лежали в развалинах. Из 184 мест (сумма всех имен минус имена героев и племен) 129 найдены или приблизительно определены; так вот, 59 из них имеют микенские слои, зато до античного времени дожило очень мало. Многие неизвестны после микенского времени. Эпитеты Каталога конкретно описывают Мессу как «обильную голубьями», Олооссон – как «белый», Эниспу – «ветреную» и т.д., хотя певец или певцы, певшие колонистам о подвигах древних героев, вряд ли выезжали за пределы Малой Азии, а города – на греческом материке. Значит, сведения просто содержались в древнем тексте. В Каталоге нет упоминаний важнейших городов начала античной поры, таких, как Мегара. Естественно: в древнем тексте их и не могло быть.

Противники (среди них Г. Яхманн, Ю. В. Андреев) отмечают, что поэма содержит предсказание о гибели Илиона и трех самых крупных микенских центров – Микен, Спарты и Аргоса. Это *vaticinium ex eventu* (пророчество задним числом о том, что уже свершилось). То есть, когда писалось это предсказание, городов уже не было. Илион же погиб в XII в. (а по мнению некоторых археологов, только в XI веке), и то не полностью. Из греческих городов Микены разрушены в конце XII века, Аргос и Спарта –

не раньше.

Судя по подробностям, действие происходит не в том Пилосе, который был раскопан и существовал в микенское время, а в другом, который был построен много лет спустя после времени Троянской войны совсем в другом месте. Городов сохранилось мало не до античности, а до *поздней* античности, до поздних писателей; эти их сочинения до нас дошли. До *ранней* античности сохранялось гораздо больше. С бору по сосенке все-таки удалось собрать сведения: из 146 городов (без Фессалии и Итаки) только 54 уцелели до II века до н.э., но пятью веками раньше (ранняя античность) достоверно существовало не менее 90, да еще десяток – с большой вероятностью. Это две трети. Точные эпитеты могли сохраниться и в устном предании (сохранились же как-то имена исчезнувших городов!), а предание колонисты привезли с собой на новую родину из Греции.

Далее, по Каталогу, беотийцы уже в Беотии, а они переселились туда, согласно Фукидиду, после Троянской войны. Фокида, Локрида и другие области занимают в Каталоге те же места, что и в античное время, после дорийского переселения, а ведь оно должно было смешать все карты. Вот если Каталог создавался в самый канун античного времени, тогда всё понятно.

Спор идет и по второму вопросу: а вообще реально ли, что под Илион прибыло 29 отрядов, 1186 кораблей, т.е. по меньшей мере около 100 тысяч человек (от 50 до 120 человек на каждом корабле, сообщает поэма)? Такое огромное войско превышало даже «битву народов» при Кадеше (хеттская коалиция против египетской) в XIV веке. В троянском войске было в десятки раз меньше, чем в греческом, но с союзниками – всё же 50 тысяч. Для обороны достаточно.

Однако расчеты показывают, что город вмещал очень мало людей. По раскопкам Г. Шлимана и К. Блегена, в городе было только одно кольцо стен, а вне стен ничего не было. От стены до стены – 200 метров (площадь в 16 тысяч квадратных метров). Это укрытие для тысячи человек, считая женщин и детей. И эти несколько сотен воинов сдерживали десять лет осаду стотысячного войска?! Правда, новые, современные, раскопки, под руководством М. Корфмана, открыли город бронзового века за пределами цитадели и внешнее кольцо стен. Жилое пространство выросло до 80 тысяч квадратных метров (Korfmann 1992). Но это увеличивает пространство для обитателей всего раз в пять. Это площадь никак не для 50 тысяч воинов. Вместе с гражданскими жителями получается меньше метра на человека. А ведь где-то должны были разместиться тысячи голов скота, пошедшие в пищу за эти десять лет... Два американца, написавшие очередную книгу о Каталоге, Х. Хоуп Симпсон и Дж. Р. Лэзенби, замечают по этому поводу: «Право же, если Каталог со-

храняет точный в основном отчет о задействованных силах, то греки взяли кузнечный молот, чтобы разбить сравнительно маленький орех» (Hope Simpson, Lazenby 1970: 161). И, добавим, девять лет не могли разбить.

«Камнистая Авлида», где собирались греческие герои, чтобы направиться в Троию, – небольшой порт: гавань вмещает всего 50 кораблей (Страб. С 403) – как же туда уместилась тысяча с лишним? Отряд Одиссея состоял из 12 кораблей, это немного (были по 40, 50, 60 и т.д.), но в Илиаде упоминается конкретно всего один его корабль, да и в Одиссее практически у него один корабль. Неужто и в других случаях отряды в десятки кораблей – фикция?

Еще Шлиман, раскопавший Илион, признавал: да, божественный Гомер был не бесстрастным фиксатором событий, а поэтом. Он славословил, воспевал и – преувеличивал. Но и сейчас некоторые ученые стоят на своем: всё реально, все имена историчны, все цифры верны и относятся к микенскому времени. Как Гомер узнал их? А был документ, письменный текст, перечислявший участников событий. Он где-то сохранялся пять веков и дождался прочтения – к Гомеровскому времени еще, дескать, жили люди, знавшие слоговое письмо, умевшие читать его. Это гипотеза немца Виктора Бурра. У нас ее поддержали Р. З. Гордезиани и кое-кто еще. В смягченной форме она кажется более приемлемой (это уже десятки ученых): не письменный текст, а устное предание донесло до нас распорядок реальной коалиции. Устное предание допускало, естественно, больше свободы в обращении с именами и числами. За пять веков что-то было искажено, напутано, преувеличено. Это более ранняя и более авторитетная гипотеза англичанина Томаса Аллена. Ее поддержали Денис Пейдж (соотечественник Аллена), двое американцев, названных выше, и многие другие (такие ученые, как А. Уэйс, К. Блэкен, Дж. Майрс, С. Баурэ, Т. Уэбстер и др.).

Противостоит ей давняя гипотеза немца Бенедикта Низе, обновленная в последние годы Карлом Яхманом и А. Джованнини: всё здесь позднее, ничего общего с действительностью не имеющее, наложенное на давнюю схему. Наложено певцами из беотийской школы Гесиода (VII века), известной своим пристрастием ко всяческому каталогам. Недаром начинается всё с Беотии: ей и трем ее соседям уделена треть всех местных названий, одна пятая всего текста. По ней иногда даже весь Каталог называется «Беотия». А ведь беотийцы почти не участвуют в битвах! Низе пришел к заключению, что «историческая ценность Каталога кораблей равна нулю» (Niese 1873: 56). Этой же точки зрения придерживались Эд. Мейер, У.Лиф, М.Нильсон, А.Тойнби, М.Финли, Ю.В.Андреев и др.

4. Текст и контекст. Третий пункт спора и составляет соотношение Каталогов с остальной

Илиадой: написаны Каталоги для Илиады или для какой-то другой поэмы, а потом присоединены к Илиаде.

Сторонники позднего вхождения Каталогов в Илиаду указывали на следующие обстоятельства. Из 46 ахейских вождей Каталога 10 не участвуют в Илиаде, большей частью вместе с их народами. Из 27 вождей Троянского каталога не упоминаются в Илиаде 6. Со своей стороны, из 114 ахейских героев, действующих в Илиаде за пределами Каталога, 70 отсутствуют в Каталоге, в том числе такие выдающиеся, как Патрокл, Тевкр, Антилох. Из троянцев отсутствуют такие важные действующие лица, как Приам и Парис. С предназначенностью Каталогов для Илиады трудно увязать расхождение в деталях: в Каталоге Мегес управляет островным народом, в XVI песни – эпеянами, и т.д.

Странно перечисление вождей, которые ко времени подачи Каталога сюжетом, уже не могли участвовать в войне: Протесилай убит при высадке, Филоктет больным оставлен по дороге, на острове Лемнос, Ахилл в гневе устранился от сражений. Они всё же перечислены, а потом приведены оговорки и названы вожди, заменившие двух выбывших: Медонт и Подарк. К чему было сначала приводить недействительные данные, а потом поправки? Естественнее было бы сразу назвать Медонта и Подарка, в крайнем случае упомянуть, что они заменили выбывших. Зачем вообще считать корабли и гребцов, если прибытие состоялось в начале войны, а с тех пор прошло 9 лет и корабли бездействуют («Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели»), а построение сугубо сухопутное?

Отсюда вывод: Каталоги не предназначались вначале для Илиады и были позднее приспособлены к ней. «Никто не способен меня убедить, – заявил М. Нильсон, – что *Каталог кораблей* написан тем же человеком, кто сочинил Илиаду...» (Nilsson 1933: 32).

Но, указывают сторонники интегральной включенности Каталога в поэму (Л.Эрхардт, Э.Дреруп, Э.Бете, А.Хойбек, Ф.Фоке, К.Марот, В.Кульман и др.), есть и факты противоположного характера. Ведь 36 из 46 ахейцев Каталога, 21 из 27 троянцев и их союзников действуют в Илиаде за пределами Каталогов, и сюда входят многие основные вожди ахейцев: Агамемнон, Менелай, Ахилл, Нестор, Диомед, а также главные вожди троянской коалиции – Гектор, Эней, Сарпедон. Они сопровождаются теми же эпитетами, что и в Каталогах: «повелитель Агамемнон», «громогласный Диомед», «геройский конник Нестор» и т.д. Те, что в паре в Каталогах (например, Идомей с Мерионом), появляются в паре и вне их.

Отсюда вывод: Каталоги были написаны для той же эпопеи.

Выход из этого затруднения предложил блестящий исследователь Денис Пейдж: «Един-

ственное разумное объяснение того факта, что Каталог и Илиада расходятся так далеко и совпадают так тесно, заключается в том, что они в конечном счете имеют общее происхождение в эпосе о Троянской войне» (Page 1959: 134). То есть что Каталоги созданы не для Илиады, описывающей последний год войны, а для песенной эпопеи обо всей войне, более широкой, чем Илиада и любая другая поэма из числа известных о Троянской войне. Для ранней стадии эпоса. А это значит, что в Каталогах, хоть они и поздно включены в Илиаду, нам представляется бесценная возможность заглянуть вглубь Илиады, в эпоху ее формирования! Но тогда надо предположить, что Каталоги сохранялись нерушимо с ранних стадий Илиады, тогда как вся Илиада развивалась. А, казалось бы, именно в географических деталях трудно ожидать постоянства.

5. Беспорядки на географической карте.

При всех этих спорах Каталог воспринимался как монолит – «цельного литья», как выразился один исследователь (Schwartz 1871). Порою раздавались голоса о том, что Каталоги образовались в результате постепенного накопления материала, но эти голоса тонули в общем хоре.

А между тем, к ним стоило бы прислушаться. В расположении царств наблюдается удивительная путаница (и в подготовленном мною томе это разобрано подробно и конкретно, здесь же привожу лишь выводы). Как археолог я привык к картам и планам. На карте же царства налегают друг на друга, порою совпадают по территории, и исследователи просто из кожи лезут вон, чтобы размежевать их. А надо ли? Если предположить, что все они мыслились существовавшими одновременно, тогда конечно. Но трудности размежевания говорят о том, что это не так. Что царства существовали (или мыслились существовавшими) в разное время.

Вот у выхода из Коринфского залива (взгляните на карту) расположено царство Одиссея. Оно полностью запирает выход из залива, занимая острова и оба берега залива. Но внутри этого царства на небольшой группе Эхинадских островов во главе с Дулихием расположилось царство Мегеса – оно же полностью проглочено царством Одиссея! А южный берег залива в то же время принадлежит четырем эпейским вождям. «Что-то здесь не так, – признает Пейдж, – и нет у меня веры ни на йоту в обычные объяснения, будь то старые или новые...» (Page 1959: 163). И это Пейдж, который убежден в одновременности географических сведений Каталога и стремится размежевать царства! Хоуп Симпсон и Лэзенби добавляют: «Но проблемы, связанные с этими западными царствами, трудно, если не невозможно разрешить, и, может быть, надо не предусматривать слишком четкие границы; да и не должны все Гомеровские пассажи отно-

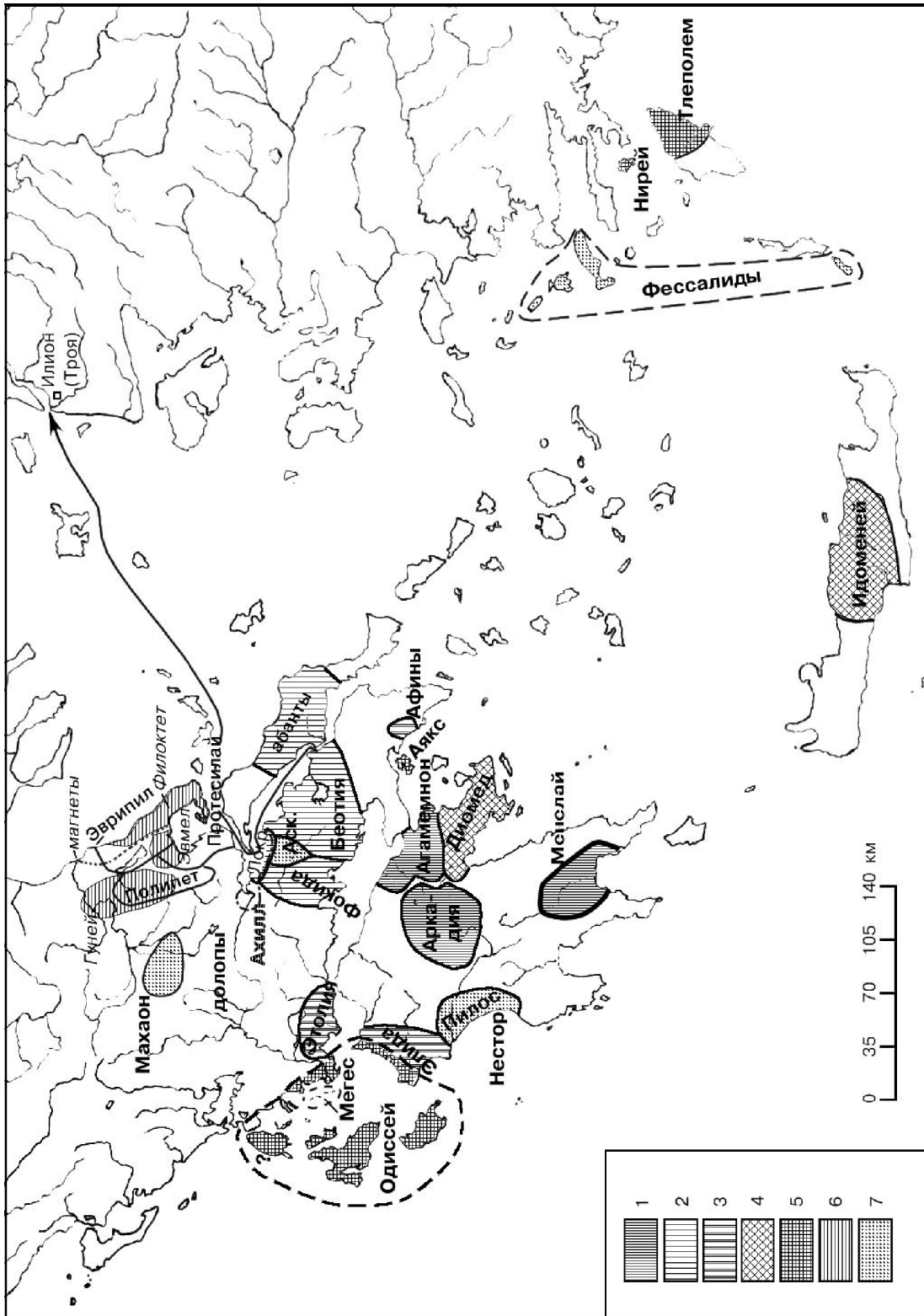
ситься к одному и тому же периоду» (Hope Simpson, Lazenby 1970: 99). Вот именно.

В Фессалии три царства – Эврипила, Протесилая и лапифов Полипета с Леонтеем – расположены впритык друг к другу, не мешая и не налезая друг на друга. Но на той же территории оказываются еще три царства, вот они-то мешают благополучию этих: царство Эвмела частью совпадает с царством Эврипила, часть – с царством Протесилая, область Гунья – с территорией лапифов, а царство Филоктета решительно накрывается царством Эврипила и вдобавок (это уже наложение в три слоя) почти совпадает с территорией магнетов. Это видел еще Низе. Тем не менее археолог Алан Уэйс считал, что «баронства Каталога являются естественным делением страны», называл это деление «совершенно здравым и понятным» и заявлял: «Взгляды Низе на Фессалийскую часть Каталога подразумевают, что его автор был дурак» (Wace, Thompson 1912: 254; Allen 1921: 139 – 140). Но вот Хоуп Симпсон и Лэзенби, тщетно пытавшиеся отнести каждому царству в Фессалии свой надел, резюмируют: «Полагая эти идентификации ошибочными, раз они превращают Каталог в нонсенс, мы можем только гадать о локализации затронутых мест» (Hope Simpson, Lazenby 1972: 142 – 143).. Авторы, конечно, сердятся на этих фессалийцев, вообще-то мало занятых в остальной Илиаде: «У многих из этих фессалийских князей, кажется, одна функция – вносить путаницу в Каталог» (Ibid., 159).

На границе между Фессалией и Центральной Грецией расположено царство Ахилла. Оно не очень велико, но полностью покрывает всю территорию, отведенную локрам Аякса Оилида (меньшего Аякса). «Нет средств решить эту проблему», – отмечает Пейдж (Page 1959: 162, п. 29). А между тем, это царство главного героя Илиады. Это для него нет на карте отдельного места.

Проще признать очевидный факт: ареалы взаимоналагаются и – где полностью, где частями – совпадают. А это значит, что Каталог смонтирован из различных перечней, с разными географическими представлениями, разными картами Греции. Картами разных эпох.

Еще в одном случае взаиморасположение противоречиво, хотя ареалы и не налегают друг на друга. Агамемнон, царь Микен и верховный командующий всех греков, назван в Илиаде повелителем всего Аргоса и многих островов (II, 108). Но в Каталоге Агамемнон не повелитель Аргоса и не господин островов. Аргос отнят у него и отдан Диомеду, а тем самым Агамемнон отрезан от островов и вообще от морского выхода на восток, от торговых и военных путей к Трое. Уолтер Лиф оценил размещение главных царств автором Каталога чрезвычайно эмоционально: «убийственный удар, нанесенный им в самое сердце империи Агамемнона, столь же

Карта 1. Коалиция ахейцев по «Каталогу кораблей». 1 — первый отряд (коалиция Пенфилла); 2 — второй отряд (фокейский); 3 — третий отряд (афинский); 4 — четвертый отряд (самосский); 5 — островные отряды; 6 — отряды киммерских пельцев; 7 — отряды с «плотами кораблями».

глуп, сколь и преступен. Он противоречит и истории, и географии, и Гомеру» (Leaf 1915: 223).

Но отрешимся от магии деклараций Илиады, обратимся к анализу реальных ситуаций. Если убрать все престижные титулы (повелитель Аргоса, царь Микен), то окажется, что у царя Агамемнона очень тесные связи вовсе не с Аргосом и даже не с Микенами, а со Спартой (Cauer 1921 [1895]: 274 – 278; Bethe 1927: 11, 23; Schwartz 1901; Зелинский 1916; Клейн 1994: 52 – 53). В Спарте почитался бог Зевс Агамемнон, там правил брат Агамемнона Менелай. На границе Мессении со Спартой расположены те 7 городов, которые Агамемнон обещает в дар Ахиллу. Комментаторы Гомера всегда приходят в большое затруднение, пытаясь объяснить, как это Агамемнон мог распоряжаться городами на другом конце Греции как собственными (Hore Simpson 1966) – но Спарта во времена завоевания Мессении, т.е. в VII веке, действительно ими распоряжалась. Спарта, а не Микены.

В поздних поэмах предательница Клитемнестра, вдова Агамемнона, и ее возлюбленный Эгист царствуют не в Микенах, а в Амиклах, близ Спарты. Сын Агамемнона Орест тоже царствует в Спарте, где женится на дочери Менелая. В Спарте, по Геродоту, и могила Ореста (предание вынуждено объяснять эту странность перезахоронением). Даже вестник Агамемнона Талфибий и тот получил в античное время святилище (героон) в Спарте, и род Талфибиев проживал в Спарте. В VI веке, когда во время Персидской войны Сиракузы заспорили со Спартой, кому надлежит главенствовать, спартанский посол воскликнул: «Воистину горько восплакал бы Пелопид Агамемнон, узнай он, что Гелон и сиракузяне лишили спартанцев верховного начальства!» (Геродот VII, 134). С чего бы Агамемнону плакать из-за бесчестия Спарты на том свете, если на этом он был царем Микен (или повелителем Аргоса), а не Спарты? Плакать было бы впору Менелая! Сомнительно и отчество Агамемнона: на родине его знают как сына Плейсфена, а не Атрея. Кстати, в Спарте и позже правило одновременно два царя.

Соперник Агамемнона Диомед, по Каталогу, царь Аргоса, но он внук Адраста, царя Сикиона, и зять Эгиалея, царя Сикиона. По микенскому обычаю, зять наследовал тестю – Диомед должен был наследовать Эгиалею. То есть его законное царство – Сикион.

Таким образом, оба ведущих деятеля греческой коалиции перемещены со своих тронов, и оба их царства устроены в самом престижном месте Греции – в Арголиде. Пришлось круто разграничивать: от столицы одного (Микены) до столицы другого (Аргос) всего 10 км, а в 7 км от Аргоса – вторая крупная крепость Диомеда, Тиринф. Остальной своей территорией оба государства простираются в противоположные стороны от места стыка, где друг против друга возвышаются их столицы.

Это, конечно, искусственная конструкция, как и весь Каталог. «Каталог – не единство, а смесь» (Ferrabino 1912: 247). Видный английский гоме-ровед С. Баурэ сказал: «Каталог поднимает неразрешимые проблемы, но в одном пункте он заслуживает доверия: в нем реализуется вера в то, что объединенные ахейцы сформировали огромную экспедицию против Трои. Эта вера лежит в основе Илиады и не может быть отброшена» (Bowra 1972: 92).

Но если ее отбросить, то в Каталоге не остается «неразрешимых проблем». Более того, появляется возможность неожиданных открытий.

6. Числа кораблей. Еще в 1905 г. остроумнейший швед Мартин Нильсон подметил (Nilsson 1905), что весь Каталог построен из ячеек двух типов. Ячейки первого типа образованы по такому принципу: сначала указаны племена, города или местности, потом вожди. В ячейках второго типа сначала указаны вожди, потом города и племена. Размещены ячейки обоих типов попеременно.

Град Асплелдон населявших и град миниеев Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы чада...
(II, 511 – 512)

Это ячейка первого типа.

Царь Одиссей предводил кефалленя, возвышенных
духом,

Живших в Итаке мужей и при Порите трепетолостом...
(II, 631 – 632)

Это ячейка второго типа. По структуре такие более аристократичны (выдвигают вперед вождя) и больше соответствуют духу Илиады. Нильсон счел их более поздними.

Группировку и структуру ячеек позже разрабатывали и другие авторы (Beye 1964; Allison 1968; Powell 1978). Молодой тогда московский филолог В. Л. Цымбурский сначала обратил внимание на место чисел в этих формулах (Цымбурский 1981), а через несколько лет заметил, что ячейки этих двух типов различаются по числам кораблей. В первых числа крупные и круглые (от 30 до 100), во вторых – небольшие и некруглые (от 3 до 22). Свое наблюдение Цымбурский доложил на всесоюзной конференции, созванной «Вестником древней истории» в 1984 г. в Москве, – это был его доклад «Строение каталогов из II песни «Илиады» в ретроспективе этнополитической эволюции позднемикенской и постмикенской Греции» (кратко пересказан в отчете: Лопухова, Ляпустина 1895: 205 – 206). Я был там и сразу понял, что это шанс для вскрытия структуры Каталога. Цымбурский не мог использовать этот шанс, потому что верил в микенскую основу Каталога. Он принял круглые и крупные числа за след реалий микенской эпохи, а мелкие цифры – за позднейшие вставки. Если согласиться с ним, то пришлось бы исходить из реальности несуразного общего количества в тысячу с лишним кораблей. Разумнее принять все числа за сказочные. Неда-

ром среди чисел есть все круглые от 30 до 100, кроме 70 (ἑβδομήκοντα): оно не укладывалось в стихотворный размер, что заметил еще Пейдж.

Тогда это даже более надежные и, главное, более дробные основания классификации ячеек, чем позиция вождей. Так что в двух случаях расхождения данных (царства Филоктета и Эвмела – герой не спереди, а цифры всё же маленькие) логично предположить произошедшую перестановку и сгруппировать ячейки с другими все-таки по числам кораблей.

Начнем с более поздних, вождистских – с небольшими цифрами.

У нас получается 7 таких ячеек (с небольшими числами), и они разделяются на две группы. В одну войдут Одиссей (12 кораблей), Аякс больший (12 кораблей) и Тлеполом с Ниреем (9 + 3 = 12 кораблей). По географическому соседству и ничтожности островка Сим, снарядившего Нирея, даже можно Тлеполама с Ниреем (они и в тексте рядом) объединить в одну ячейку. Все три отряда включают вождей островных (Саламин, Итака и Родос с Симом).

Оставшиеся три отряда – Филоктета, Эвмела и Гуinea – имеют числа кораблей 7, 11 и 22. Нетрудно заметить, что 22 – это 11 + 11, и действительно, в этом отряде два народа: эниане и переребы. Это уникальный случай в Каталоге. В России появилась статья (Брагинская, Леонов 1986), в которой доказывалось, что здесь было две ячейки, слившихся в одну (в Киприях, другой поэме – о начале Троянской войны – числилось, судя по переложению Аполлодора, не 29, а 30 отрядов). Итак, 7 и три по 11. Семерку пока отложим. Все три (или четыре) отряда не участвуют в боевых действиях.

Впечатление такое, будто перед нами регулярные военно-морские формирования: те – по 12 кораблей, эти – по 11. Эскадры разного состава? Но подбор схожих героев в каждой «эскадре» и подбор одинаковых словесных оформлений говорят о том, что это просто разные числовые предпочтения, разные стили мышления певцов. У каждой «эскадры» свой автор.

Теперь обратимся к большей серии. В ней 22 ячейки (22 отряда). Если уж продолжить деление по числам и начать с меньших, то здесь прежде всего выделяются в особую группу три отряда по 30 кораблей. Это орхоменский отряд Аресовых сыновей Аскалафа и Иялмена, Косский отряд двух сыновей Фессала – Федиппа и Антифа, и фессальский отряд двух сыновей Асклепия – Махаона и Подалирия, врачей экспедиции. Все эти отряды выделяются и объединяются не только тем, что у них по 30 кораблей, но и тем, что у них всех по 2 вождя и что корабли у них носят эпитет «полые» (γλαφυραί). Только один еще отряд имеет «полые» корабли – отряд старца Нестора, царя Пилоса. У него 90 кораблей. Число делится на 30, и все четыре отряда явно принадлежат к одной группе.

Рядовые отряды имеют стандартное число, а головной выделен втрое большим числом.

Пойдем дальше. Исследователи давно приглядываются к афинскому отряду Менесфея (50 кораблей): подозревают его поздний возраст (Wilamowitz 1884; Frazer 1969 и др.). В нем вся Аттика представлена одними Афинами – уже объединена? (Об этом еще будет речь.) Он редко появляется в Илиаде, но почти во всех местах, где он проскальзывает, вместе с ним оказываются три отряда из Средней Греции, происходящие из стран у выхода из Коринфского залива: эпеяне (Элида), этолийцы и жители Эхинадских островов. У них всех по 40 кораблей. Для введения этого числа использована стандартная формула («Сорок черных судов принеслось за ним к Илиону»), но она же применена здесь (и только здесь) для введения числа 50 – в афинском отряде. Получается, что Аттика ведет за собой, так сказать, часовых залива, караул против Коринфа. Это понятно: Коринф – ее естественный соперник в овладении морскими торговыми путями.

Еще одна группа выделяется очень четко. По 80 кораблей имеют два героя: Диомед и Идомений. Оба героя выступают в других легендах соперниками верховного вождя. В расстановке обоих отрядов примечательная черта: Диомед поставлен перед Агамемноном, Идомений – перед островными вождями, а если те окажутся вставленными поздно, то Идомений – непосредственно перед Ахиллом. В обеих ячейках по две столицы: в аргивской – Аргос и Тиринф, в критской – Кносс и Гортина. Вторые столицы в обоих случаях носят один эпитет – «τεῖχιόεσσα» («укрепленный стенами»). Это редкий эпитет: в остальных случаях аналогичное понятие выражается словом «εὐτεῖχος» («крепостенный»).

Есть еще отряд магнетов, стоящий в списке последним – уже само по себе это намек на позднее включение. В отряде 40 кораблей, но его не удается связать с другими отрядами, и надо оставить его в изоляции. Отсутствие городов также говорит о его позднем включении: все города к этому времени были уже разобраны.

7. Открытие симметрии. После выделения всех этих групп – двух с малыми цифрами и четырех с нестандартными крупными – оставшаяся подборка в 11 отрядов выявляет поразительную однородность и симметрию: один отряд (Агамемнона) – 100 кораблей, два отряда по 60, два по 50 и восемь по 40. А теперь растянем текстовой список по греческому чтению слева направо и – взгляните. *На левом фланге* в боевом наземном построении 4 среднегреческих отряда: головной – беотяне (у них 50 кораблей), за ними 3 по 40, в сумме (без головной) 120. *На противоположном, правом фланге* северогреческие отряды, их тоже 4: Ахилла (головной, 50 кораблей), 3 по 40, в сумме (без головной) 120. В центре – пелопонесская армия:

микенский отряд Агамемнона (100 кораблей – вдвое больше, чем в головных на флангах), за ним отряд его брата Менелая и сугубо зависящий от командующего (от него получены корабли) аркадский отряд: 2 по 60, в сумме (без головного) – 120.

Итак,

	Агамемнон		
беотяне – 50	100	50	– Ахилл
	40	60	40
	40	60	40
	40	40	40

Когда после вычеркивания выделенных (предположительно поздних) групп передо мной внезапно открылась эта картина, я оцепенел. Так просто и красиво! Бросив взгляд на уже выделенные группы, я увидел, что ту же структуру имела и группа с афинским отрядом: в нем пятьдесят кораблей, в трех ведомых – по 40, в сумме (без головного) – 120.

Пятидесяти кораблям беотийцев – головного отряда левоблангового эшелона соответствует пятёрка беотийских воевод: Аркесилай, Леит, Пенелей, Профоемор и Клоний. Исходя из общей симметрии, мы ожидали бы и на правом фланге, у Ахилла, встретить такую же структуру. Но ее там нет. И естественно: Ахилл уже устранился от боев. Если и было тут пять колонн с 5 воеводами, то встретить их можно было бы там, где войска Ахилла действуют. И верно, обратившись к моменту, когда Ахилл отправляет с Патроком в бой свои войска, мы этот кусок там находим. Это так называемый Мирмидонский каталог XVI песни:

В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес быстрогой,
Зевсов любимец, привел к Илиону...
Пять воевод он над ними поставил, которым и вверил
В войсках начальство...
Первым строем начальствовал пестродоспешный Менесфий...
Строй второй представлял ратоводец воинственный Эвдор...
Третьему строю предшествовал храбрый Лизандр воевода...
Строем четвертым начальствовал конник испытанный Феникс,
Пятым – герой Алкимедон, Лаэртиев сын непорочный.
(168 – 197)

Этот кусок текста явно перенесен сюда в XVI песнь из II песни, из Каталога кораблей («прямое продолжение того места», – замечает Р.В.Гордезиани). С восстановлением этого места в Каталоге кораблей симметрия обретает совершенство и строгость.

8. Корабли с эпсилоном. Кому принадлежит эта симметрия? С этим связан вопрос о том, как пишется в Каталоге слово «корабли» – греческое «нэс». В 20 ячейках оно сохраняет древ-

нюю форму, эолийскую, хотя и поданную в ионийском правописании. Это вполне понятно, учитывая, что эпос был когда-то составлен на раннем диалекте, напоминавшем эолийский, а потом попал в ионийскую среду. В этом диалекте слово «корабли» имело долгий «а», в ионийском оформлении его заменили долгим «э» («этой»): $\nu\eta\epsilon\sigma$. Но в 9 ячейках вместо этого появляется чисто ионийское диалектное слово, в котором на месте *эты* стоит *эпсилон*: $\nu\epsilon\epsilon\zeta$.

Так получилось, что когда я вдумывался в этот вопрос, у меня дома не было экземпляра «Илиады» на греческом языке. Дождаться, пока попаду в библиотеку, было невтерпех. Я позвонил филологу-классику Н. Я. Казанскому, когда-то посещавшему мои занятия, и попросил заглянуть в «Илиаду» – посмотреть, в каких стихах в обозначении кораблей стоит вместо *эты* *эпсилон*. Он любезно согласился и после томительной для меня паузы (пока он листал Илиаду) перечислил порядковые номера восьми разных строк. Я сверил со своими выкладками и спросил, не пропустил ли он один *эпсилон*. «Ну, я читал внимательно», – возразил он. «Странно, – озадаченно сказал я. – По моим расчетам должен быть эпсилон и в стихе 733». «Сейчас проверю», – сказал он. После недолгого молчания в трубке раздался его взволнованный голос: «Поздравляю вас! Это великолепно: в стихе 733 – эпсилон!» Квалифицированный специалист, тогда кандидат наук (ныне доктор, чл.-корр РАН), он сразу оценил значение угаданной строки: проверка теории. И спросил: «Как вы вычислили, где он должен быть?»

Ну, ход моих рассуждений был простым. Из 9 случаев 4 падают на ячейки Несторовой группы, охватывая их все: Нестора, Аскалафа с братом, Махаона с братом (это и был стих 733) и косских сыновей Фессала. Более того, у всех четырех описаний совпадает (или почти совпадает) вся заключительная строка – формула, в которой и содержится слово $\nu\epsilon\epsilon\zeta$. Вероятно, группа введена ионийцами, на позднем этапе развития эпоса.

Далее, в одном случае ионийское слово $\nu\epsilon\epsilon\zeta$ оказалось в ячейке той группы, где число кораблей в отряде почти у всех 11, но именно в той единственной ячейке, которая оказывается исключением – в ячейке Филоктета. Вместо такого стандартного для этой группы числа здесь 7 кораблей. Семь – священное число Аполлона: он родился семимесячным, при его рождении лебеди 7 раз облетели Делос, ему посвящен седьмой день месяца и т.д. По-видимому, вначале во всех ячейках этой группы числа кораблей были одинаковыми – по 11. Но почему же, мирясь с ними для остальных отрядов, ионийцы не сочли возможным сохранить такую цифру для Филоктета? Особый подход к Филоктету понятен. Это особый герой в Троянском эпосе: он владеет луком Геракла, воителя Аполлона, и без его участия, по оракулу Аполлона,

не может окончиться Троянская война. После выяснения этой воли богов, уже вне Илиады, Одиссей специально поедет за больным Филоклетом на Лемнос, чтобы доставить его в ахейское войско. Махаон исцелит его, Филоклет убьет Александра-Париса, и война закончится.

Все остальные 4 случая с *эпсилоном* падают на самую большую, основную группу. Они оказываются там во всех тех ячейках, в которых число кораблей – не 40 и не 100. То есть оба отряда, у которых по 60 кораблей (принадлежащие центру), и оба по 50 (головные на флангах) оказываются тоже с измененным числом. Измененным именно ионийцами. Это изменение выделило головные отряды флангов и (еще большим подъемом) все отряды центрального эшелона, подчеркнув симметрию строя.

В первоначальной числовой схеме, выходит, число 40 было наиболее популярным. А 40 – это четыре вождя (особенно ясно на примере эпеев), по 10 кораблей на каждого вождя. Это отражает характерную для архаической поры греческого мира социальную структуру – 4 филы: гелонты, аргадии, гопплеты и эгикореи. То ли касты, то ли сословия, то ли родо-племенные объединения, но они неизменно выступают во всех

ранних проявлениях греческого полиса (города-государства). В связи с этим повсеместно выступали тетраполисы (четвероградья). Это архаичное цифровое предпочтение у греков (ср. Roscher 1909).

Замена же отражала два новшества. Во-первых, в Малой Азии к стереотипной четырехчленной организации добавились еще 2 филы: энопты и бореи. Стало 6 фил, и выдвинулись отряды по 60 кораблей. Во-вторых, в конце архаического времени в ходе централизации при замене старого порядка новым реформаторы обычно переходили к десятиричной системе: в конце VI века Клисфен заменил в Афинах четыре филы десятью новыми, в Эфесе 6 племен свелось к 5, дорийцы Родоса перешли от трех племенной структуры к организации в *пентаполис* (пятиградье). Вот и появились 50-корабельные отряды, а у Агамемнона 100 кораблей. В VI веке самосский философ и математик Пифагор объявил 10 идеальным числом.

Установление структуры текста – лишь начало исследования. Нужно развернуть ее во времени, расслоить текст по эпохам – очень трудоемкое предприятие. Но в общем это уже дело техники и удачи.

II. СТРАТИГРАФИЯ

1. Прямоком к истокам легенды. Определить последовательность фигур или событий – задача, обычная для историка древности. Определить последовательность их вхождения в текст, последовательность наслоения компонентов текста – задача посложнее. Она сродни проблемам археолога, а здесь я в своей стихии. Но археолог, приступая к раскопкам памятника – поселения или кургана, – может рассчитывать на хорошую стратиграфию, на четкие напластования слоев. Разрез позволит ему прочесть хронологию. В тексте – таком, как Каталог кораблей, – разреза нет, разновременные компоненты не лежат пластами друг на друге. Все перемешано, и надо распутывать.

Текстологию многие считают не столько наукой, сколько делом интуиции. Известный текстолог А. Хаусмен писал: «Критик текста за своей работой отнюдь не напоминает Ньютона, исследующего движение планет; скорее он похож на собаку, которая охотится за блохами. Делая это на основе математических принципов, она никогда не поймает блоху, разве что случайно». И текстолог заключает: «Если собака хочет ловить блох успешно, она должна быть быстрой и чуткой» (Housman 1921: 68 – 69, 84).

Тут, конечно, содержится преувеличение, но, во всяком случае, пока еще не создан алгоритм текстологического исследования, и не поручишь дело машине. В отношении Каталога задача осложняется еще тем, что перед нами не просто письменный текст, а текст, создававшийся на основе фольклора. Это есть поле для совме-

стных усилий текстологии и фольклористики, а нельзя сказать, чтобы эти науки имели навык совместной работы или хотя бы дружили.

Копая сверху, археолог снимает за слоем слой, углубляясь к началам. Иногда я (несмотря на запреты инструкций) резал курганы на ломти сбоку, как буханку хлеба, чтобы получить много разрезов. К Каталогу я впервые применил немудреную в археологии методику – проследить стратиграфию снизу вверх: в смешанном тексте, как и в любой смеси, легче начать с самых броских аномалий, а заметнее отличаются от привычной массы как раз самые далекие от нас пласты – самые ранние.

В предшествующей части была выявлена замечательно симметричная структура, позволяющая думать о ядре Каталога: в центре – Агамемнон с братом Менелаем и их войска, на флангах – войска союзников: фессалийские герои на правом флаге, воины из Центральной Греции (беотийские и другие) – на левом. Одно нарушение симметрии бросается в глаза: на правом фланге Ахилл (вместе с Патроклом) стоит над своими пятью воеводами, тогда как на левом фланге над пятью беотийскими воеводами командующего нет. Место осталось вакантным. Однако симметрия основной группы столь строга и столь абсолютна, что необходимо предположить: в прошлом такой вождь над пятью воеводами был и у беотийцев, но он радикально устранен на каком-то этапе приспособления Каталога к Илиаде (или в ходе изменения самой Илиады). Кто бы это мог быть?

Это должен быть герой, равноценный Ахиллу, связанный с Фивами (главным городом беотийской территории) и безусловно неприемлемый на данном месте для Илиады в ее конечном виде. Я долго ломал себе голову в поисках эквивалента Ахиллу (Диомед? Аякс? Одиссей? – прочие параметры не подходят), пока пронзительная догадка не сверкнула, как молния, и осветила все. Такой герой есть, и он есть только один. Это Гектор.

Представляю себе общее изумление и даже возмущение. Как, главнокомандующий троянской коалиции?! Сын царя Приама?! Он стоял на левом фланге ахейцев и воевал против осажденных?! Да, приходится предположить такое неожиданное прошлое у этого героя. Он равноценен Ахиллу по своей воинской доблести – по признанию Агамемнона, с ним и Ахилл «на славных мужам ратоборствах с страхом встречается». Его близкое родство с Приамом недавнее: на 444 упоминания имени Гектора в Илиаде только 26 раз он именуется по отчеству, тогда как Ахилл на 340 раз упоминания имени 104 раза назван по отчеству. У Ахилла одно к трем, у Гектора – одно к семнадцати.

Связью Гектора с Фивами давно заинтересовались многие видные гомероведы (Dümmler 1890; Bethé 1901: 71). Известно предание о его могиле в Фивах. Его жена Андромаха родом из Фив, правда, других, маленьких, у горы Плак, но это, вероятно, подгонка к новым условиям: никаких сведений об этих других Фивах просто нет, реальны ли они? (Stählin 1907). В табличках микенской письменности есть имя Гектор. Плутарх сообщает о том, что Гектор воевал на греческом материке, овладел Трезеной в Арголиде. В царской династии Хиоса еще в VII веке существовало имя Гектор – выходит, это греческий герой!

Ахилл, Диомед, Аякс – это были полубожественные богатыри соседних с Фивами царств, и их соперничество с этим центром отразилось в песнях об их борьбе с Гектором. После поражения Фив в XIII веке (отразившегося в эпосе об Эпигонах) военные интересы греков полностью переключились на восток, в Малую Азию. Туда же были перенесены и деяния древних героев. Для певцов и слушателей «наши» – это, конечно, герои-победители. Победенными в конечном счете бывают только враги. Герой победенных должен был уйти на противоположную сторону. Исключительная древность всех этих богатырей видна из их вооружения: башенные щиты XVI–XV веков, характерные для Аякса и Гектора; у каждого из них, а также у Ахилла часто по одному копыю – вместо более поздней пары дротиков, характерной для других героев. Любопытно, что деление беотийцев при Гекторе на 5 колонн нашло отражение в его же делении всего троянского войска на 5 громад (песнь XII).

Возвратив Гектора грекам, мы восстанавливаем симметрию, нарушенную его «переходом»

на троянскую сторону.

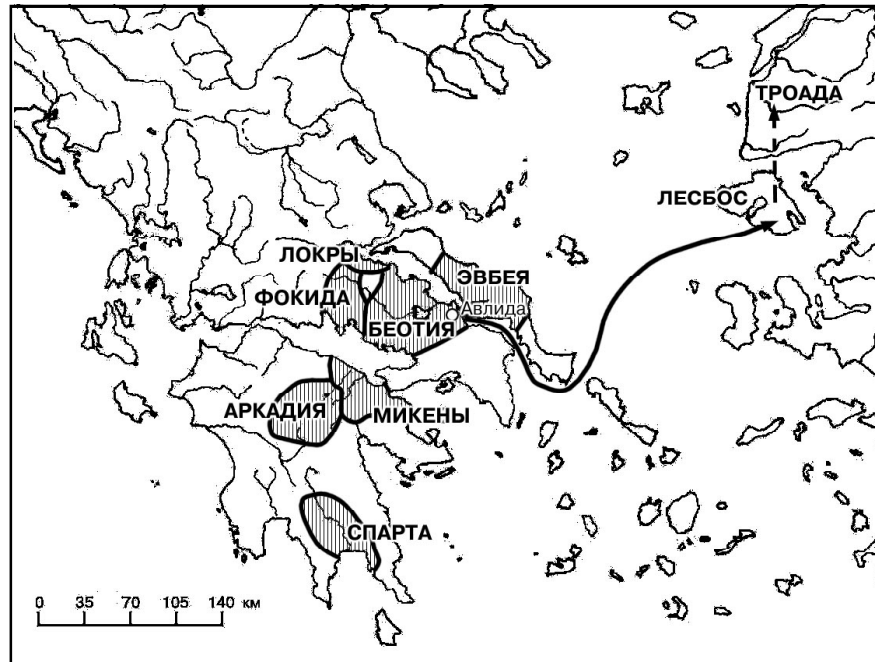
Есть и еще одно нарушение симметрии. Эшелон беотийцев (то есть предположительно бывший эшелон Гектора) оказывается в географической проекции и впрямь левым флангом коалиции Агамемнона (при развороте ее фронтом на восток). Эшелон же Ахилла рекрутирован не из стран, образующих правое крыло коалиции (это могли бы быть Крит и другие острова), а наоборот, из Северной Греции, то есть из стран, лежащих левее левого фланга. Отряд Ахилла, головной в этом эшелоне, совпадает по территории снарядившей его страны с отрядом локров Аякса-меньшего, входящим тоже в основную группу. Более того, отряд локров уже был в ней к тому времени, когда отряд Ахилла (а с ним и весь эшелон) был присоединен к этой группе: Аякс Оилид управлял многими городами (названы Кинос, Опунт, Весса, Калиарф, Скарф, Авгея, Тарфы, Фроний), а Ахиллу-то их почти не осталось. Только Алос, Алоп и Трахина. Они на той же территории (впережку с городами Аякса), но их не удосужились назвать в числе городов Аякса, вот они и остались Ахиллу. Даже Опунт, где родился любимец Ахилла, его заместитель Патрокл, – у Аякса.

Вывод: весь Ахиллов эшелон добавлен к прочим отрядам в основной группе, когда она уже существовала. Добавлен цельным блоком, занимающим сплошную территорию. Он был придвинут к уже существовавшей системе справа – для того, чтобы Ахилл считался правой рукой Агамемнона (ср. Lloyd 1962). Действовал стародавний обычай, сформулированный Геродотом: «полемарху (полководцу) быть во главе правого крыла» (VI, 111).

Что же остается в исходной группе, если отнять правое крыло во главе с Ахиллом? Остается 7 отрядов: беотяне, локры, фокяне, абанты (с Эвбеи), микенцы, лакедемоняне и аркадяне. Вот это и есть реальный состав, но иной эпохи. Он почти в точности совпадает с той эолийской флотилией, которая, по Страбону (IX, II, 3: XIII, I, 3), много позже ахейского времени отплыла под руководством потомков Агамемнона – и именно из Авлиды! – на восток, чтобы основать колонии в Малой Азии. Из семи отрядов лишь фокяне не было в этой поздней экспедиции. Во главе ее – внуки Агамемнона, сыновья Ореста Пенфил и другие. Их первым пристанищем был остров Лесбос, и еще в VII веке там правили Пенфилиды.

Там-то, на Лесбосе, и была сложена легенда о походе Агамемнона. Большинство эолийских колоний было основано, по археологическим данным, около 1000 года (Cook 1964; Stubbings 1964; Boardman 1973). Следовательно, легендарная отправка Пенфилидов из Авлиды относится к рубежу XI – X веков, а сложение легенды об этом событии – ко времени внуков и правнуков первых поселенцев, т.е. к началу IX века. А уже в VIII веке началась экспан-

Карта 2. «Коалиция Пенфила».

сия с Лесбоса в Трояду, что засвидетельствовано археологическими находками. Давний, еще микенского времени, заморский поход ахейцев на Илион, веками служивший темой героических песен, должен был приобрести особенную злободневность для лесбосских Пенфилидов, когда началась их собственная экспансия в Трояду. Именно в это время легенда об отплытии из Авлиды и была перенесена на лаконского (спартанского) царя Агамемнона, а легенда об Агамемноне – на давний микенский поход, и они – все три – слились. Для их оформления была использована мифическая история, популярная на Лесбосе с его конкурсами красоты (каллисфеями), о похищении самой красивой женщины мира – Елены (см. Клейн 1994: 54 – 55, 178).

Чуть позже Лесбос обладает уже развитой и яркой поэтической традицией. Во второй половине VIII века здесь Лесх Митиленский создал Малую Илиаду. Вскоре на Лесбосе засверкали звезды греческой поэзии – Терпандр, Арией, Алкей, Сапфо... Звезды не вспыхивают на пустом месте. Теперь мы знаем, что им предшествовало раннее развитие народной поэзии, в котором откристаллизовались основы эпоса о Троянской войне.

2. Родина Ахилла. А кто же присоединил Ахилла и его спутников к этим 7 первоначальным отрядам? Кто ввел в Троянский эпос будущего основного героя Илиады?

При первом же обращении к культам Ахилла (Ноокег 1988) поражает одно обстоятельство: их практически нет в Фессалии, на его родине. Даже в Фарсале – городе, где, по преданию, он родился. Равнодушие земляков кажется особенно странным на фоне повсеместного почитания Ахилла: ему воздают божеские по-

чести в Лаконии, Аттике, Аркадии, Малой Азии. Да уж подлинно ли он родом из Северной Греции?

Вместе с Аяксом-большим Ахилл принадлежит к роду Аякидов (Эакидов), процветавшему еще в V веке на о. Эгине и в Фокиде. (Аяк и Аякс в русской традиции передачи греческих имен также пишутся и как Эак и Эант, отсюда род – как Эакиды.) По мифологии, род этот тесно связан с морем. Он многократно породнился с морским старцем (духом моря) Нереем. Зевс породил Аяка с nereидой Эгиной, по которой якобы и назван остров (на деле, конечно, она носит имя, взятое от острова). Одним из трех сыновей Аяка был Фок, родоначальник фокеян. Мать его, nereида Псаммафе, убегая от суженого, обернулась тюленем – отсюда якобы имя сына: «фок-ос» – по-гречески «тюлень». Еще одна дочь морского старца, Фетида, хорошо известная по Илиаде, убегая от другого сына Аяка, Пелея, оборачивалась разными существами, в том числе змеем, морским драконом, рыбой. От «змея» (по-гречески «ахис», «эхис») некоторые языковеды производят имя Ахилла. Третий сын Аяка, Теламон, – отец Аякса.

Святыни Аякса, Аянтеионы, стоят на берегах моря: Аякс был духом-защитником, «охранителем кораблей», отсюда и его главная функция в Илиаде – защищать корабли. Он особенно отличается именно в битвах за корабли, и наиболее колоритна фигура этого богатыря на палубе корабля с корабельным шестом в руках вместо сломавшегося копья. Ахилейоны, святыни Ахилла, первоначально, видимо, обладали такой же функцией, но у других племен, которые вместо Аякса почитали Ахилла. Ахилл тоже защищает корабли в Илиаде: он только тогда возвращается в битву, когда враг угрожа-

ет кораблям. Таково поставленное им условие, и он его в точности соблюдает. В причерноморских колониях греки почитали его как божество с титулом Понтарх – «повелитель моря». Его битва с богом реки Скамандра потому и занимает такое большое место в Илиаде, что подчеркивает его статус – представителя водной стихии (демон моря против демона реки).

Аякс более популярен на юге: связан с островами Саронического залива – Эгиной, Саламином. Фок и затмивший его Ахилл господствовали севернее – на берегах Коринфского залива, в Фокиде, не говоря уже об Эвбейском проливе и проливах к Черному морю. Отсюда ясно, почему единственное в Илиаде упоминание фокидского святилища Аполлона – Пифо (впоследствии Дельфы) – вложено в уста Ахилла. Хозяин дельфийского святилища Аполлон, тоже, кстати, имевший функцию «охранителя кораблей», вообще играет роковую роль в жизни Ахилла, сопровождая его от истоков жизни (с лирой в руках он ликовал на свадьбе родителей Ахилла) до смертного часа (он и погубил Ахилла).

Теперь уже нетрудно определить в Малой Азии ту среду, которой в первоначальном ядре эпоса недоставало Ахилла. Это были фокейские колонисты, выходцы из Фокиды – те самые, которых не хватает «для полного комплекта» среди эолийцев Пенфила. Фокеяне откололись от своих эолийских соплеменников и вместе с выходцами из Афин и с Пелопоннеса основали на полуострове Фокею, которая вскоре стала самой северной ионийской колонией – ионийским анклавом в эолийской среде. При этом им пришлось выдержать упорную и длительную борьбу с царем соседней эолийской Кимы. Сначала то был Меннес...

И тут разъясняется одна из поразительных загадок Илиады: двойственное отношение к вождю своей коалиции Агамемнону. Он смелый, доблестный и могучий царь, и он же коварный, злобный, завистливый и трусливый. Под восхвалением и воспеванием скрыта вражда к нему. Эту ноту, по-видимому, внесли жители Фокеи. Дело в том, что после Меннеса в Киме, с которой враждовала Фокея, правил царь Агамемнон. Да, самый настоящий Агамемнон. О нем известно, что он отдал дочь замуж за фригийского царя Мидаса. Мидас – не только легендарная, сказочная фигура (превращал всё, к чему прикоснется в золото, имел ослиные уши и т.п.). Он лицо историческое, подтвержден как современник ассирийскими и фригийскими надписями второй половины VIII века (Клейн 1994: 49). Борьба с тестем могущественного фригийского царя было нелегким делом. Но молодая Фокея выдержала. Ей помогло вступление в Ионийскую лигу. Тогда-то и была оформлена ионийскими $\nu\epsilon\epsilon\varsigma$ возникшая симметрия ахейского войска – задолго до появления Филоктета и, конечно, до включения отрядов Нестора.

Фокейцы славились как бесстрашные и предприимчивые мореходы, они освоили всё Средиземное море, плавали к берегам нынешней Франции и основали там колонию Массилию (ныне Марсель). Почитание ими «охранителя кораблей» естественно. Фессалия же стала родиной Ахилла по очень простой причине. К рубежу VIII – VII веков Фессалия превратилась в единое государство, воздействие которого распространялось по всей Центральной Греции. Она приобрела огромное влияние в Дельфийской амфикионии (религиозно-политическом объединении морских государств). В это время многих героев стали перемещать на север, в Фессалию – лапифов, кентавров, аргонавтов. Не избежал этой участи и Ахилл.

Фокейская школа эпической поэзии мало известна. В VIII веке к ней принадлежал поэт Фесторид, сочинивший эпическую поэму Фокаиду и, возможно, Малую Илиаду. Ходили слухи, что он присвоил и ту и другую, а истинным автором был Гомер. Ну, впоследствии было модно все поэтические достижения, весь эпос приписывать Гомеру. Таланты многих поколений певцов как бы прессовались в славе Гомера – вдохновенного творца, воплотившего в себе гений греческого народа. Реальному Гомеру принадлежало гораздо меньше. Возможно, если «поскрести» Гомера, откроется в числе прочих и Фесторид – автор не только Фокаиды или Малой Илиады, но и схемы большой Илиады – эпопеи о гневе Ахилла.

3. Союз Геры с Посейдоном. Певцы временами переходили от двора одного царя к двору другого, обменивались песнями и сюжетами, совершенствовались в мастерстве. Лучшим доказательством этого обмена является искусственный язык поэзии (Kunstsprache), на котором никто не говорил. В этом языке скапливались формы из разных греческих диалектов – эолийского, ионийского, под конец немного из аттического; были и просто искусственные слова, как бы подымавшие речь поэтов-певцов над обыденной (Meister 1921; Heitsch 1969). Сами поэты воспринимали ее как близкую к «языку богов». По представлению древних греков, боги говорили на особом языке. У Гомера частенько попадаются такие замечания: вот как на языке богов – Ксанф, Мирина, Бриарей, ихор, а на языке смертных те же слова звучат: Скамандр, Ватиея, Эгеон, кровь... (Günert 1921; Heubeck 1950; Watkins 1970; Клейн 1998: 275). В ходе такого обмена путешествовали и песни, сменяли среду, а в новой среде обретали новую обработку, новые акценты и новых героев.

После лесбосской и фокейской групп одна из самых ранних – та, что имеет по 80 кораблей в отряде: Диомед и Идоменей, то есть Аргос и Крит. Характерное для них число кораблей образовано удвоением наиболее обычной цифры – 40, и это лучший способ выделить отряды пос-

ле того, как 50 и 60 уже задействованы (а 70, напоминая, невозможно). С другой стороны, логичнее допустить такую операцию сразу (или вскоре) после выделения центра и флангов симметрии, потому что прибавление последующих групп нарушит чистоту десятичных цифр. Характерна и расстановка 80-корабельных отрядов. Они встали перед главными вождями ахейцев. Но отряд Диомеда мог примкнуть спереди к центральному блоку на любом этапе, ибо между ним и Агамемноном никого нет. Идоменея же в конечном тексте Каталога отделяют от Ахилла другие герои со своими отрядами, и если считать, что он должен был встать непосредственно перед Ахиллом, то это значит, что Тлеполема и сыновей Фессала тогда в Каталоге еще не было. Они вошли в Каталог позже и отделили Идоменея от Ахилла. С ними вошли позже и их группы.

К тому же результату мы приходим и другим путем. Идоменей – сын Девкалиона. Мифический Девкалион, царь Фтии, считался отцом Эллина, а тот – отцом Дора, родоначальника дорийцев. Неподалеку от фтиотийских Фив Страбону был известен остров Девкалион. Отец Идоменея был либо назван по этому предку дорийцев, либо ему поначалу идентичен. Тогда из царей южных островов только Идоменей имел независимые основания на позицию возле Ахилла – по личной связи с севером, а остальные пристроились к нему позже – по географическому соседству, когда певцы стали считаться с этим принципом.

Аргос Диомеда – тоже дорийский регион. Потомки Диомеда числились в Аргосе хранителями аргивского Палладия, священной статуи Афины, якобы привезенной из Трои, но главной богиней Аргоса была Гера. Аргос в пору своего позднего возвышения перетянул на себя мифы более раннего центра – Тиринфа. В Илиаде Гера с Афиной дважды появляются на одной колеснице – в V и VIII песнях. Примечательно, что среди фресок Тиринфа есть одна, изображающая двух женщин на одной колеснице. Это невозможно истолковать иначе, чем раннее проявление того же мотива: Гера с Афиной. Но остальные признаки образа Диомеда говорят о гораздо более позднем времени. В числе городов Диомеда указаны Эпидавр и Трезена, а там нет слоев микенского времени. Диомед никогда не выступает в древних видах вооружения. То же и Идоменей. Царство его на Крите занимает только центр острова, а в микенское время весь остров подчинялся одному царю (в кносских табличках, сводках дани, упоминаются города на западе острова и на востоке). Гортина не была большим городом ранее VIII века. В Одиссее на острове прямо упоминаются дорийцы, а они пришли на руины микенской Греции.

В песнях XIV и XV, обольщая Зевса, чтобы отвлечь его внимание, Гера творит троянцам козни, действуя заодно с Посейдоном. Устра-

шенная Зевсом, она клянется, что сговора не было. «Нет, не с советов моих Посейдаон, земли колебатель, Трои сынам и вождю их вредит...» Этот союз не находит мотивировки в мифах и, видимо, объясняется локальным совпадением культов. Но где? В Илиаде есть герои, которым эти божества особо покровительствуют. Гера заботится о Диомеде, Посейдон – об Идомеене. Где сошлись эти локальные герои?

Культы героев Диомеда и Идоменея могли соединиться только в одном месте – на Самосе. Там же сливается почитание Геры и Посейдона. На Самосе было древнее святилище Геры, перенесенное туда из Аргоса. Гера считалась супругой Зевса отнюдь не во всей Греции: в Средней Греции (Афины) и Северной (Додона) его супругой была Диана (она мельком выступает в этой роли и в Илиаде). Не позже X века возник на Самосе культ Геры. В VIII веке на Самосе и в Арголиде существовали храмы Геры. В то же время и критская колонизация достигла Самоса: еще в VII веке из Самоса выведена колония Минея (по имени критского царя Миноса), а одно из самосских племен, энопты, носило имя название по другому критскому царю – Энопиону. Самос поздно вступил в Ионийскую лигу, но занял в ней видное место.

В конце VIII века на Самосе явно был политический интерес к району проливов. Жители Самоса обосновались там, овладев большим островом напротив Трояды, который в Илиаде называется еще Самосом Фракийским, а в классическое время Самофракией. Примечательно, что именно этот остров стал в Илиаде местом восседания Посейдона – там он сидел, «созерцая войну и кровавую битву» (XIII, 11). Это примечательно потому, что Посейдон был главным богом Ионийской лиги. Именно Посейдон вызывает Идоменея на аристику (военные подвиги). Понятна становится и тесная дружба Посейдона с Герой в Илиаде (Клейн 1998: 383 – 389).

На Самосе традиция знает Креофила, который выдавал то ли свои произведения за гомеровские, то ли гомеровские за свои. Собственным его творением была поэма «Взятие Эхалии», сюжетом которой был последний подвиг Геракла. В этой связи любопытно очень частое упоминание Геракла в Илиаде, особенно по сравнению с редким упоминанием других аналогичных героев – Тезея, Язона. Почти все упоминания Геракла сосредоточены в песнях, главным героем которых является Диомед (Клейн 1998: 127 и табл. 29).

4. Двучленная Афина. Полсотни и три по 40. Эта структура, в которую в конечном счете отделились фланговые эшелоны симметричной схемы, повторяется в группе, головным отрядом которой является афинский, – повторяется, но без ионийского изменения числа кораблей: 50 здесь было с самого начала. Так как группа, по видимому, сформирована по образцу боковых

эшелонов, то возможно, что она предшествует всем остальным группам (кроме, может быть, самосской), так как иначе ее образцы были бы нарушены, раздроблены и затуманены позднейшими включениями, нечего было бы копировать. Несколько смущает, что она была расформирована при введении в Каталог: афинский отряд был приставлен к левофланговому эшелону с конца, где примкнул к абантам с Эвбеи, в полном соответствии с географическим соседством, а остальные три отряда были приставлены к пелопонесскому блоку, т.е. оказались в конце центрального эшелона. Так что, может быть, группа введена и позже.

В описании головного отряда самому вождю уделено не так уж много строк:

Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Матерь-земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм
водворила,

Где и тельцами и агнцами ныне его убаживают
Чада Афин, при урочном исходе годов

круговратных, –

Сих предводил Петеид Менесфей... (II, 546 – 552).

Не много ли места отведено давнему афинскому царю Эрехтею?

Всё, что в Илиаде говорится об Эрехтее, в других источниках рассказывается об Эрихтонии. Он сын Афины. Рожденный Землей, подменивший в этом Афины (она ведь девушка), он имел вид наполовину человека, наполовину змеи (змея – атрибут Афины). Афина заперла было его в ларец и отдала на сохранение дочерям Кекропса, тоже получеловека-полузмея, первого царя Афин, но те из любопытства открыли ларец. За это Афина свела их с ума, и они бросились с Акрополя в пропасть. Афина сама воспитала Эрихтония в своем храме. Эрехтей же, по этим источникам, всего лишь внук Кекропса. Но с гомеровской терминологией совпадает то, что храм в Афинах назывался все-таки Эрехтейон, по имени Эрехтея. По-видимому, имена эти первоначально означали один образ. В этой группе ячеек Афины соединены странным образом с царствами выхода из Коринфского залива. Связь эта не случайна: она повторяется в древних генеалогиях. Многие цари этих стран происходят из легендарного вроде бы северного народа лапифов. Лапифы были товарищами Тезея в войне с кентаврами, а Тезей, герой Аттики, по преданию, очистил от разбойников Коринфский перешеек. Гипподамия, из-за которой разгорелась война с кентаврами, была дочерью Бутеса, жреца Посейдона-Эрехтея. Род Бутадов и позже держал в своих руках жреческие посты в Афинском Эрехтейоне и оказывал влияние на политику Афин.

Когда афинский отряд вошел в Каталог? Обращает на себя внимание одиночество Афин в своей области – Аттике. Будто и не было Браврона, Элевсина и других городов в ней. Аттика

явно была уже объединена, и Афины были ее единственным представителем. По стеканию культов богов и героев в Афины исследователи проследили, что объединение 12 городов Аттики завершилось к VII веку (Solders 1931).

Именно в VII веке Афины ввязались в войну с Митиленой, городом на Лесбосе, из-за пролива в Трояде. Они построили колонию Элеус на фракийском берегу и захватили у Митилены город Сигей – на азиатском. Сигейская война длилась долго. В конце концов войну решило обращение к третейскому судье – правителю Коринфа. Он, тоже из рода лапифов, присудил Сигей Афинам. Не сказалось ли на решении то, что Афины выступали вместе со странами, запирающими выход из Коринфского залива, от которого целиком зависела торговля Коринфа?

Менесфей, в Каталоге вождь афинского отряда, совершенно неизвестен в Афинах. Культ его в поздние времена сохранялся в Элеусе, где он почитался как основатель города. Это герой, так сказать, колониальный, и привязка его к основанию Элеуса и, следовательно, к Сигейской войне очень показательна. Легенды об основании колоний считаются самыми реалистичными из всех греческих легенд. Тезей же – герой из Аттики, но из ее периферии. Он стал афинским героем поздно, в середине VI века, и в Илиаде он выступает не как представитель Афин, а как товарищ лапифов.

Давнюю и труднейшую загадку для ученых представляет позиция богини Афины в Илиаде. Афина решительно на стороне ахейцев, покровительствует их героям Ахиллу и Диомеду, вместе с Герой ненавидит троянцев. И она же – главная городская богиня Илиона, защитница города, к ней в трудный час направляется шествие троянок с дарами. Эта непоследовательность неразрешима для сторонников единого авторства. А вот если признать разновременные пласты в Илиаде, разные по происхождению вклады в Каталог, всё становится на свои места.

Это активность и влияние Афин в Трояде VII века привела к тому, что Афина Паллада оказалась главной городской богиней Илиона несмотря на то, что Афина в Илиаде до того зарекомендовала себя как ярая сторонница ахейцев, а не троянцев. Ни в Митилене, ни в Метимне (лесбосских метрополиях эолийских колоний VIII – VII веков в Трояде) заметных святынь Афины не было. Афина Илиона – из Афин. Это совершенно ясно из того, что она называется в Илиаде то Афина, то Афинейя. «Афинейя» же по-гречески означает «афинянка». А в генеалогии троянских царей оказался Эрихтоний – афинское локальное божество, сын Афины и отец Эрехтея. Что ж, от Сигея до Илиона только 6 километров.

В какой-то момент в Каталог вошел последний отряд с числом кораблей 40 – это магнеты. Их надо связывать не с Магнезией – полуос-

тровом греческого материка, к которому их относит Каталог, а с вышедшими оттуда колонистами. В Малой Азии есть две колонии, носившие название Магнезий и возникшие позже других колоний, уже поодаль от берега: одна на р. Герме в эолийской области, недалеко от столицы Эолийского союза Кимы, другая значительно южнее – на р. Меандре, в ионийской области. Но места по Меандру упоминаются только в Троянском каталоге как область «чужезычных карийцев». Из района же северной Магнезии, на Герме, Гигейское озеро и гора Тмол упоминаются в Каталоге кораблей, а вне Каталога упоминаются в Илиаде окаменевшая Ниоба на горе Сипил и другие места, так что у эолийской Магнезии больше оснований претендовать на магнетов Каталога. И слово «корабли» здесь не имеет ионийского эпсилона. Время существования обеих колоний было коротким: во второй четверти VII века лидийский царь Гиг разгромил северную Магнезию, а в середине века киммерийцы покончили с южной.

5. Исходя из дюжины. Очень занимательна группа ячеек, где число кораблей делится на 11. Для фольклорных и мифологических чисел это – редкостное предпочтение. Двенадцать – иное дело. Двенадцать богов восседало на Олимпе, и Гермес в Гомеровском гимне делит мясо на 12 порций. Амфиктиония Дельфийского святилища насчитывала 12 городов (Страб. С 420). В Афинах было 12 фратрий. Гомер очень часто использует это число: у Одиссея по 12 стад волов, овец, свиней и коз, у Пенелопы 12 рабынь, у Ниобы 12 детей и т.д.

Объяснить одиннадцать можно только спецификой греков в Малой Азии. Дело в том, что к VII веку греки образовали в Малой Азии два объединения – Ионийскую лигу и Эолийский союз, – оба по 12 городов (это вообще было очень частое священное число, особенно в сложении союзов – есть по ответственному на каждый месяц). Но после захвата ионийцами Смирны в Эолийском союзе осталось только 11 городов, и все взносы, жертвоприношения, дележ добычи и т.п. стали раскладываться на 11 частей. Число 11 стало священным у них в VII веке.

Кима, столица Эолийского союза и оплот нового Агамемнона, имела свои интересы в Трое: ей принадлежала там колония Кебрен. И вот в Илиаде в песни о подвигах Агамемнона мы находим на колеснице у Гектора возничего Кебриона, тоже сына Приама, а чуть подальше Кебрион уже вместе с Гектором и Пулидамантом ведет первую из пяти громад троянцев. Но затем он исчезает, и дальше громада действует без него – только с двумя вождями. Кебрион явно фигура вставная. Он сделан сыном Приама, чтобы подчеркнуть местные корни и приоритет Кебрена среди других колоний в Троеде.

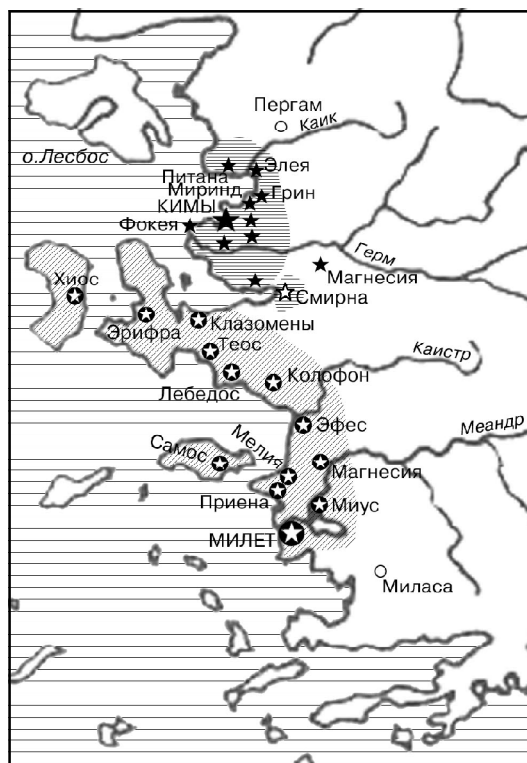
Враждя с Фокеей, Кима по примеру Фокеи тоже включила в Каталог плеяду северных ге-

роев – Филоктета, Эвмела и Гунея. Кроме того, она, видимо, подвергла исправлению места, унизительные для Агамемнона. Так первый из трех призывов Агамемнона к бегству превратился в несурзное и обескураживающее «испытание войск», в притворный призыв к бегству. Бегство едва удалось остановить, а комментаторы Гомера две с половиной тысячи лет ломают голову над этим эпизодом: ведь испытывать войска призывом к бегству непосредственно перед боем можно, только если быть уверенным, что они этому призыву не последуют, но тогда зачем испытание? А если они последуют призыву (что и произошло), то чем тогда притворный призыв лучше всамделишного? К тому же надо учесть, что два других призыва Агамемнона к отступлению так и остались не исправленными...

Если с афинской группой, магнетами и группой 11-корабельных отрядов сохраняется некоторая неясность, кто из них раньше, кто позже, то следующая группа, 12-корабельных отрядов, несомненно, позже их всех. В группе 3 (или 4) отряда; их ведут Одиссей, Аякс, Тлеподем с Ниреем. Хронологию дает Аякс.

Сразу за Каталогом кораблей помещена похвала коням. После пространного восхваления кобылиц Эвмела из 11-корабельной группы (они «на бегу, как пернатые, быстры») следует восхваление коней Ахилла. Но между ними вставлено нечто совсем не о конях:

Из мужей же отличнейшим был Аякс Теламонид,
В гневе доколе Ахилл пребывал; он-то был самым
могучим (II, 768 – 769).

Карта 3. Эолийский союз (★) и Ионийская лига (○).

Странно сразу после этого читать: «Также и кони, возящие беспорочного Пелида...» Аякс вообще никакого отношения к коням не имеет, он в Илиаде всегда пеш. Пассаж об Аяксе (такие же две строчки, как в самом Каталоге) – вставка, а с ним – и 12-корабельная группа.

Два других отряда тоже кое-что дают для хронологии. Отряд Одиссея раздвинул отряды стран у выхода из Коринфского залива. Это естественно. Но было бы странно, если бы они его охватили с двух сторон. Выше уже отмечалось, что отряд Тлеполема вставлен между отрядами Идоменея и Ахилла – соответственно, он позже их.

Как можно было видеть, 12-градья распространены у греков очень широко. Но ведь в этой группе все вожди – островные. В чем же секрет их связи с числом 12? Для разгадки секрета надо бы определить, кто главный в этой группе. По могуществу явно Аякс, по рангу в Илиаде – Одиссей, но по значению для Каталога – Тлеполем: Аяксу уделено всего 2 строчки, Одиссею – 7, Тлеполему же – 18 (а считая с Ниреем – и все 23). Ради Тлеполема и включены они все трое в Каталог. Принадлежащий Тлеполему Родос – главный из Додеканесских островов, а «Додеканесс» ведь и значит по-гречески «Двенадцать островов». Что Тлеполем проник в Илиаду из этого микрорайона, подтверждается его гибелью от рук тамошнего царя – Сарпедона из Ликийи. Видимо, местный конфликт был перенесен под стены Илиона.

А как же Одиссей? Он-то ведь с другого конца греческого мира – из Адриатики. Так ли? Одиссей чужд Итаке: культ его там отмечен поздно и слабо. Да и по легенде выходит, что на Итаке Одиссей – чужак. В Одиссее отец его Лэрт избран царем, а состоятельным землевладельцем, который сам возделывает землю. При жизни отца Одиссей царствует. Царство свое он получил не от отца, а от тестя – Икария. Подобно всем основным микенским героям, он наследник трона своего тестя. Икарий же на западе Греции тоже пришелец. Откуда? Сын его Левкадий назван по острову Левкада. На острове находилось святилище Аполлона. Раз в год там сбрасывали с крутой скалы в море преступника, привязав к жертве перья и птиц. Это имитация полета Икара. Но с полетом Икара связан остров Икария в Икарийском море. По острову назван и Икарий, от которого Одиссей унаследовал свое царское достоинство вместе с женой Пенелопой. Этот остров замыкает с севера цепь Спорадских островов, которая начинается с Родоса (Кленин 1994: 105 – 107).

Есть одна вещь, которая особенно связывает Родос с Илионом, – это культ Аполлона Сминфея («Мышиного»). Жители Трояды содержали мышей в храме Аполлона; статуя Аполлона в храме изображает бога с мышью у ноги; про него рассказывались легенды, что он наводит мышей на посевы (Кгарре 1941; Trencsényi-

Waldapfel 1963 и др.). С мышами связывали чуму, и нечто вроде чумы напускает Аполлон Сминфей на ахейцев в Илиаде в наказание за то, что его жрец Хрис не был уважен Агамемноном и дочь жреца не была отпущена из плена. Это и вызвало весь конфликт в Илиаде, потому что, узнав о гневе бога, Агамемнон все же уважил жреца, но за счет доли Ахилла в добыче. Именно Родос и был центром культа этого бога, а в Трояду культ проник (на юг полуострова) через лесбосский город Метимну: соперничая с Митиленой, она колонизовала юг Трояды. Там, на юге и расположена Хриса, где живет жрец Хрис и куда освобожденную из плена Хрисеиду и искупительную «стотельчую» жертву отвозит один из царей этой группы Одиссей.

Аполлон тоже почитался «охранителем кораблей». Это объясняет подбор соратников Тлеполема по группе: островные вожди.

6. Появляется божественный певец. Осталась последняя группа – отряды, имеющие по 30 кораблей с головным отрядом трижды тридцать: царь Пилоса Нестор, врач Махаон (его, раненного, вывозит с поля боя Нестор), сыновья Фессала и Аскалаф.

С самого начала Каталога определяется поздняя позиция этой группы. Каталог начинается с беотийского отряда, затем, описав орхоменский отряд Аскалафа, перечень переходит к фокеецам. Итак, беотийцы – Орхомен – фокеецы. Но оканчивается представление фокеев словами: «И близ беотян на левом крыле ополчались к бою» (525). Близ беотян, а не близ орхоменцев Аскалафа – как будто этих тут и не было! Фокеецы оказываются не третьим отрядом, а как бы вторым. Ясно, что когда описывались отряды беотян и фокеев, отряд орхоменцев между ними еще не было. Значит, вся группа Нестора введена позже, все ее отряды.

Идоменей отделен от Ахилла отрядами Тлеполема и сыновей Фессала. Порядок следования вставных отрядов, очевидно, соответствует последовательности их вхождения в Каталог: сыновья Фессала – последними. Поголовное оформление отрядов группы словом «корабли» с ионийским эпсилонем тоже говорит о позднем возрасте. Это в тексте Каталога. А в более широком плане – чем это можно подтвердить?

Старец Нестор со своими соратниками, прибывшими на «полых» кораблях, оставил эпоху дорийского нашествия далеко позади. Ведь в числе его подопечных значатся сыновья Фессала, внуки Геракла, правящие на о. Косе. С Гераклом связывались дорийские династии. Геродот сообщает, что дорийцы прибыли туда с Арголидского полуострова, где они утвердились раньше, т. е. прибыли не в ходе первого вторжения, а позже. Именование обоих царей сыновьями Фессала показывает, что дорийцев считали пришлыми с севера Греции – там Фессалия. И, конечно, что не только дорийцы, но и

фессалы были уже в Греции. По Фукидиду, фессалы прибыли в Фессалию тогда же, когда и беотийцы в Беотию – после Троянской войны. По археологическим основаниям – в XII веке. После этого должны были пройти века, чтобы эпический поэт, воспевавший Нестора, мог назвать *древних* дорийских царей Коса (ведь Троянская война мыслилась происходившей в древности) *сыновьями* Фессала, внуками Геракла.

С Нестором их связывает культ бога-врачевателя Асклепия, сына Аполлона. Кос – очаг Асклепиадов (у них обучался медицине Гиппократ). Но центр был в Трикке, поименованной первою в царстве Махаона. В Мессении, на территории Нестора, существовал храм Асклепия Триккейского – воспроизведение того, что в Трикке. А Орхомен? Как с этим городом Аскалафа, сына Ареса – бога войны? Странное дело, среди 21 святилища в Орхомене нет храма Ареса. Но вот что способно объяснить это: сходство имен Аскалаф (Askalaphos) и Асклепий (дор.-эолийск. Asklepios, фессал. Askalarios, лат. Эскулап). Здесь какое-то догреческое божество раздвоилось: один образ стал сыном Аполлона, врачом, а другой – сыном Ареса, бога войны. Оба имеют отношение к ранам: один их наносит, другой исцеляет. Культ Асклепия был и на Кикладских островах, в частности на Делосе (Клейн 1994: 132 – 133).

А Делос очень важен потому, что был местом общегреческих состязаний певцов в честь Аполлона. В Гомеровском гимне Аполлону Делосскому автор описывает собравшихся на Делосе «длиннохитонных ионийцев», «ионийцев, долы хитонов влачащих»:

О царь Аполлон, стрелами далеко разящий,
Многих святилищ владетель и рощ, обильных
древами,

Все милы тебе острых гор вершины и склоны,
Реки, текущие в море. Но, о Феб, наипаче
Тешит сердце твое сей Делос, где ионийцы,
Долы хитонов влачащие, сходятся с чадами вместе
И с дорогими супругами, чья добродетель
не меркнет.

Радость тебе от песен, от плясок и схваток кулачных.
Все зывают к тебе, о царь, выходя состязаться.
Кто бы узрел ионийцев, как они вместе сберутся...,
Сердце б насытил воззреньем сонмов мужей
благородных

И препоясанных дев, и кораблей и сокровищ.
(Нумп. Apoll. III, 143 –155).

На эти празднества съезжались не только ионийцы, и вообще не только малоазийские греки, но паломники, певцы и атлеты со всего греческого мира. О поющих с самозабвением греки говорили: «поет, как если бы собирался в Делос». Ради этих состязаний певцы совершенствовали свои творения, а на самих состязаниях могли знакомиться с достижениями соперников, обогащать свой творческий арсенал. По удачному выражению Джорджа Томсона, это был рынок поэзии, ярмарка искусства. Гимн был

сочинен в конце VII века. Это установлено специальным исследованием Г. Т. Уэйд-Гери (Wade-Gery 1936). Автор гимна поставил и «подпись». Правда, в «подписи» он не назвал своего имени, но кое-что сообщил о себе:

Все прощайте, и все потом обо мне вспоминайте.
Всякий раз, когда от людей, на земле живущих,
Некто из дальних стран прибыв, вопросит,
удивленный:

«Девы, поведайте, кто всех певцов превосходней,
Вас навещает тут и более всех улаждает?»

Вы же все разом так сему чужестранцу ответьте:

«То слепец, а живет он на Хиосе крутобережном,
Песни же будут его всех лучше и в дальние веки»

(165 – 173).

Слепец с острова Хиоса! Два указания – и оба, что называется, в точку: слепой и хиосец. Греческая традиция не сомневалась в слепоте Гомера. «Мужа с острова Хиоса» называет автором Илиады поэт Симонид, то ли с Аморгоса (тогда это VII – VI века), то ли с Кеоса (тогда это на век позже). Хиос – общепризнанная родина древнего рода певцов – Гомеридов, производивших себя от Гомера (Wade-Gery 1952). Есть одно тонкое подтверждение идеи о том, что Нестора и его соратников ввел в Илиаду именно этот поэт: все его предшественники описывали корабли как «черные», «чернобокие», «красноносые», а этот – только как «полые»: он не видел цвета. Он мог только постучать по корпусу корабля.

7. Вклад Гомера. Гомер. Что ж, к нашему разочарованию, это не самый талантливый и созидательный из поэтов, работавших над Илиадой. Предшественники сделали многое. Лесбосский певец рубежа IX – VIII веков воспел отплытие из Авлиды и перенес его на Агамемнона. Фокейский певец придумал ссору Ахилла с Агамемноном – в будущем основу сюжета Илиады. Самосский певец ввел Диомеда и Идомею, Геру и Посейдона, не говоря уже о многочисленных ссылках на Геракла. Возможно, ему же принадлежит идея перебросить Гектора в лагерь противника и сделать вождем троянцев (Самос враждовал с Хиосом, царством греческого Гектора). Местные певцы в Трое сделали Афину Палладу защитницей города. В Киме какой-то певец подправил облик Агамемнона. В Метимне или на противоположном берегу Адрамитского залива оформлено участие Аполлона Сминфея в ссоре героев и поездка Одиссея в Хрису...

Нестор, конечно, видный герой, но действие поэмы разворачивалось без него. Собственно, весь сюжет, все сцены, вся коллизия. Нестору осталось только задним числом подавать советы, как бы направлять действие, а также предаваться многословным воспоминаниям: таков ли я был в юности! И все же очень важные для самого существования Илиады акции предприняты именно при включении Нестора, принадле-

жат автору «полых» кораблей. Это был действительно великий певец.

Нестор единственный из крупных вождей специально представлен (экспонирован) при первом упоминании. Агамемнон, Ахилл, Патрокл – все они вводятся в действие, не акцентируя внимание – так, как будто о них уже была речь. Агамемнон даже назван только по отчеству, и слушателю остается догадываться, о котором из двух братьев Атридов идет речь. Но вот как введен в действие царь Пилоса:

... Нестор
Сладкоречивый восстал, громогласный вития
пилосский:
Речи из уст его вещей, сладчайшие меда, лилися.
Два поколения уже современных ему человек
Скрылись, которые некогда с ним возрастали и жили
В Пилосе пышно; над третьим уж племенем
царствовал старец
(I, 247 – 252).

Это значит, что выделение Илиады из более пространныго эпического полотна произошло именно при включении Нестора (все другие вожди были уже представлены в предшествующих разделах эпоса). Это выделение и потребовало поместить Каталог неподалеку от ссоры Агамемнона с Ахиллом. Именно Гомер сделал эту ссору завязкой поэмы, а на первый план выдвинул трагический образ Ахилла с его злополучным гневом. Гомер превратил всю поэму в батальное полотно, проникнутое глубокой идеей – осуждением губительного раздора царей. В его устах Илиада стала апологией единения ради общего блага.

Каталог введен во II песни Илиады как описание построившихся войск, а совет построить так войска подал именно Нестор, и Агамемнон выше всякой меры превозносит Нестора за этот совет: «Всех ты ахейских мужей побеждаешь, старец, советом. Если б, о Зевс отец. Аполлон и Афина Паллада, десять таких у меня из ахейян советников было, скоро пред нами поникнул бы град крепкостенный Приама!» Характеристика деяний, данная в Каталоге Подарку и Медонту – заместителям выбывших героев (Филоктета и Протесилая), – точно соответствует Несторовой мотивировке введения Каталога в текст Илиады. Нестор подал совет, как строить войска – и оба новых вождя именно этим и занимаются: строят войска. Значит, перестройка этих ячеек происходила в это самое время.

Но вместе с ними строит войска афинский вождь Менесфей. Конечно, в конце VII века тот певец, который отвел столь важную роль Нестору, думал не о далеком Пилосе. К этому времени потомки Нестора царствовали в Афинах и во многих ионийских городах. Это их чествовал певец. Откуда появился в этих пассажах Медонт, догадаться нетрудно. Знатнейший род Медонтидов, отрасль пилосских Нелеидов, обладал царской властью в Афинах в течение VIII – VII веков. Хотя с начала VII века эта власть была

существенно ограничена, все же Медонтиды и тогда оставались влиятельнейшими среди знати (эвпатридов), сохраняли царские prerogative и свой теменос (участок) у подножья Акрополя.

Были Нелеиды и на острове Хиос, о чем свидетельствуют такие имена знатных хиосских граждан в надписях, как Писистрат, Нелей и Меланф. Хиос позволяет понять одну загадочную особенность Илиады. Поэма воспеваает ахейцев и возвеличивает их, а троянцев описывает как врагов – они и надменные, и вероломные, и не знают порядка. Все их сборища – шумные, в отличие от чинных ахейских; они там «блеют, как овцы». Но на главных вождей это не распространяется. Здесь всё наоборот. Коварным, злобным и завистливым изображен именно вождь ахейцев, а вождь противника Гектор величествен, прекрасен и обладает возвышенным духом. «Гектору принадлежит особая любовь Гомера», – сказал известный немецкий гомеровед В. Шадевальдт (Schadewaldt 1965: 177).

Для нас половина загадки раскрылась в Фокее, враждовавшей с Кимой, где в VIII веке царствовал Агамемнон II. Вторая половина загадки раскрывается на Хиосе. В VIII веке на Хиосе правил царь по имени Гектор. Он ввел Хиос в Ионийскую лигу и был почтен за это треножником с надписью, которую в V веке читал историк Ион Хиосский. В VII веке память об этом правителе. Гекторе II, была жива у его наследников, и певцы должны были с этим считаться. Песни о борьбе с Гектором, царем сказочной Трои, по необходимости приобрели здесь тот дух благородства, обязывающий возвышать и противника, то великодушие, которое так трогает и удивляет в Илиаде. Неважно, что это было вызвано, возможно, гораздо более прозаическими мотивами. Уже через несколько поколений низменные мотивы забылись и отпали, а гуманность Илиады стала образцом и ориентиром в поэзии.

Самыми неопровержимыми указаниями на родину поэта представляются те пассажи, в которых местные особенности не просто упоминаются, не просто хорошо известны поэту, а служат ему базой для сравнений, ибо это выдает его привычную среду обитания. Таких пассажей в Илиаде всего два. В одном греки, бросившиеся на равнину в Троеде, сравниваются со стаями птиц, слетевшимися на Асийский луг у р. Каистра – место это приходится напротив о. Хиос. В другом пассаже волнение ахейцев на собрании сравнивается с волнением Икарийского моря под ударами Нота и Эвра. Эти два ветра дуют с юга и востока, а Икарийское море омывает о. Хиос с юга. Так воспринимать эти ветры, волнующие море, поэт мог, только находясь на Хиосе. Оба сравнения содержатся во II песни Илиады, в эпизодах, подводящих к Каталогу кораблей.

8. Последовательность слоев. Вот и все основные Вклады в Каталог кораблей. Как расслоился этот «монолит»! Как раздвинулись его пласты во времени! Они хорошо пристали к разным эпохам в пределах нескольких веков по VII включительно.

Попытаемся определить последовательность слоев, как она обрисовывается из приведенных данных. Не всю очередность можно установить уверенно. Некоторые данные противоречивы или допускают двоякое решение.

Итак, сначала в перечне, ставшем основой Каталога кораблей, было только 6 ячеек – беотяне, локры, абанты с Эвбеи, микенцы, лакедемоняне и аркадяне. Все из Средней Греции и Восточного Пелопонесса. Это был состав той реальной коалиции, которая под водительством Пенфила, потомка Агамемнона, отправилась из Авлиды (Беотия) в конце XI века до н. э., на завоевание Лесбоса, откуда затем исходила экспансия в Трояду. Легенда об этом событии сложилась, конечно, позднее – при внуках и правнуках участников плавания, к началу IX века. В легенде должен был участвовать и беотийский герой Гектор из Фив, хотя жива была память о поражении Фив. Но другой Гектор в VIII в. правил на Хиосе.

Вскоре к этой группе в эпопее были присоединены фокидяне, тоже из Средней Греции. Этих, вероятно, подключили потомки выходцев из Фокиды – жители малоазийской Фокеи, фокеев. Это были северные ионийцы, враждовавшие с руководителем Эолийского союза Агамемноном, царем Кимы во второй половине VIII в. Будучи активными мореходами, они ввели в эпопею своего культового героя – Ахилла, охранителя кораблей, и сделали его правой рукой и конкурентом эпического Агамемнона. Соответственно, в Каталог вошел блок отрядов во главе с Ахиллом и занял место на правом фланге. Кроме собственного отряда Ахилла (мирмидонян), это были отряды Протесилая, Эврипила и Полипета – все из Фессалии.

Вероятно, в это время правым флангом руководил еще Гектор. Когда его перевели на сторону троянцев, нужно решать отдельно. Если исходить из того, что его противником в ранних слоях «Илиады» является не Ахилл, а Аякс больший (Клейн 1998: 175 – 186), то чуждость Гектора эллинским героям должна была особенно остро ощущаться после вхождения в «Илиаду» (и соответственно в Каталог) Аякса, то есть 12-корабельной группы, но, возможно, достаточно было и менее выразительного выпадения из обоймы победоносных героев.

В соответствии с обычной для тогдашних греков организацией четырехградья, у всех отрядов, накопившихся к этому времени в Каталоге, было по 40 кораблей, кроме отряда Агамемнона – легендарному главнокомандующему было приписано 100 кораблей. Если ионий-

скую обработку текста Каталога (и замену кое-где правописания слова «корабли») признать за певцами фокеев, то это они переделали числа кораблей в головных отрядах на флангах и во всех центральных отрядах. На флангах они подняли числа с 40 до 50, а в центральных – до 60. Тем самым они подчеркнули иерархию героев и симметрию всего построения.

Ясно, что только после этого в Каталог вошла группа отрядов, возглавленная афинским отрядом, за которым шли отряды с берегов Коринфского залива. Но неясно, насколько позже вошла в Каталог эта группа – раньше всех остальных или пропустив вперед еще какие-то группы. Дело в том, что слово корабли тут с «этой», то есть не переделанное ионийцами. Стало быть, эта группа была включена уже после ионийской переделки текста. Но группа эта организована явно по образцу фланговых блоков симметричного построения (50+40+40+40), то есть ее певцы еще могли воспринимать ясно структуру Каталога. Но сама эта группа нарушила структуру Каталога: ее отряды распределены между уже наличными в Каталоге не как бы военным строем, а в географическом порядке, по географическому соседству на карте.

Тем не менее, тут возможны коррективы: формирование группы под влиянием знакомства со структурой Каталога могло ведь произойти рано, а включение в Каталог – гораздо позже. Ясно лишь, что эта группа раньше островной (12-корабельной).

Видимо, после формирования или даже после включения афино-коринфской группы за Каталог взяли самосские певцы. Этими певцами в Каталог были включены отряды Диомеда и Идомея, причем этим вождям были отведены почетные места перед Агамемноном и Ахиллом и им же были даны более крупные отряды, чем у всех остальных, кроме главнокомандующего, – по 80 кораблей. Но эти отряды, из Аргоса и Крита, включены уже по текстовому соседству. То есть Каталог уже не воспринимался как строевая структура или географическое построение. Этим группа также выделялась из всех.

Только после этого в Каталог вошли остальные отряды и были распределены по тексту, соблюдая географическое соседство. Но дальнейшая очередность, трех последующих включений, каждое по 4 отряда, не совсем ясна.

В частности, введено было в Каталог 4 отряда по 12 кораблей. Это отряды островных вождей – Одиссея, Аякса большего и Тлеполема с Ниреем. Включавшие ставили перед собой задачу воспевания и превознесения Тлеполема – вождя с о. Родоса. Двенадцатиградьями были не только Ионийская лига и Дельфийская амфикифия, но и архипелаг Додеканес («Двенадцать островов»), в который входил Родос.

Появились в Каталоге и 4 отряда по 11 ко-

раблей – отряды Филоктета, Эвмела, а также эниане и перребы Гуней. Можно полагать, что их ввели певцы, связанные со столицей Эолийского союза Кимой, не ранее VII века: раньше не было союза 11 городов. Эниане и перребы вскоре слились в одну ячейку, а Филоктету заменили 11 кораблей на 7, причем сделали это ионийцы. Неясно, были ли это те же ионийцы, которые заменили правописание в основной структуре или новая волна ионийской переработки.

Наконец, в Каталог было включено четыре отряда с «полыми» кораблями – три отряда по 30 кораблей (орхоменский, фессальский, косский отряд фессалидов) и один, главный над ними, отряд Нестора из Пилоса, с утроенным числом кораблей – 90 кораблей. У этих всех четырех слово «корабли» оказывается с ионийским правописанием. Скорее всего, это не результат переделки, а просто группу вводили ионийские авторы, связанные с культом Асклепия и весьма почитавшие Нелеидов, царствовавших в Афинах и других ионийских городах. Похоже, что этим певцам принадлежит выделение «Илиады» из всего эпического повество-

вания о Троянской войне и с ними связана личность Гомера, слепого певца с о. Хиос.

Вот вся эта очередность трех последних включений неясна. Неясно, скажем, насколько введение ячеек с «полыми» кораблями и «эпсилоном» в слове «корабли» хронологически близко к замене 11 кораблей на 7 у Филоктета. Но в общем последовательность примерно такова, как здесь описано. Последней вошла ячейка с магнетами – она и в списке последняя.

Обрисованная последовательность в целом очень хорошо совпадает с той реконструкцией формирования «Илиады» и троянского эпоса, которая была проделана на основании анализа происхождения основных образов героев «Илиады» (Клейн 1984: 41 – 43, 88 – 90, 178 – 181) и анализа текста (Клейн 1998: 433 – 447).

Таким образом, Каталог кораблей оказался ключом к эволюции Илиады. Каждый из основных авторов работавших над этой эпопеей, оставил в нем свою метку. Получилась как бы модель многослойного памятника. И все же Каталог – только одна пятьдесят девятая часть Илиады. Только 266 строк.

III. ПАРАЛЛЕЛЬ

1. Парад троянской коалиции. Анализ Каталога кораблей дает результаты, значение которых в «Илиаде» выходит далеко за рамки II песни, включающей в себя этот необычный кусок эпоса. Однако первую проверку масштабы этих результатов можно провести тут же, во II песни, ибо песнь эта содержит замечательную параллель Каталогу кораблей – Каталог троянских сил, который у древних (Страб. XII 524) назывался *Τρωϊκὸς διακοσμοσ* (Обозрение троянского мира). Этот Каталог тесно связан с Каталогом кораблей, но одни исследователи рассматривают их вместе (Niese 1873; Allen 1921; Jacoby 1932; Foske 1950; Huxley 1956; Page 1959; Cook 1967 и т.д.), другие – нет: Троянский отдельно (Notan 1972; Vox 1976 и др.). Даже отдают Троянский каталог другому поэту и другому времени.

Исследователи ставят его значительно ниже Каталога кораблей по содержательности. Пейдж отмечает, что Каталог троянских сил чрезмерно краток – в нем 61 стих против 265 стихов Каталога кораблей; он упоминает всего 26 имен, из которых 8 не появляется в «Илиаде» и только 5 принадлежат героям, активно действующим в «Илиаде» (Page 1959: 140). Кроме того, он плохо знает географию ионийских областей Малой Азии – не знает Боспора, Черного моря, Смирны (Ibid. 138 – 140). Хаксли пишет, что каталог несколько странен: в нем нет не только эллинских колоний, нет и ахейских городов (Huxley 1956: 24). Джованнини прямо режет: «Каталог Троянцев (В 816) представляет заурядный интерес: его автор (неважно был ли он также автором Каталога Ахейцев или нет),

кажется, имеет чрезвычайно слабые представления о географии Малой Азии» (Giovannini 1969: 32). Пейдж считает, что этот каталог был составлен до начала ионийской колонизации, но после ликвидации микенской, когда многие места уже были покинуты ахейцами и забыты (Page 1959: 142). Такова обычная оценка этого каталога по сравнению с ахейским.

Между тем он введен в «Илиаду» с той же мотивировкой и организован по тому же принципу. Напрашивается предположение, что он и создавался так же постепенно, теми же поэтами.

Какова мотивировка обоих каталогов? Каков принцип их строения?

Введение Каталога кораблей мотивировано советом Нестора разделить войска по племенам и коленам: «пусть помогает колено колену и племени племя» (II, 363). Следует перечень строящихся войск, это и есть Каталог. Агамемнон непомерно восхваляет Нестора за этот совет, но в Каталоге перечисляются не строящиеся войска, а корабли. Каталог, однако, устроен вообще не по племенному, а по территориальному принципу: рядом друг с другом стоят не соплеменники, а соседи, племена же (эолийцы, ионийцы, дорийцы) стоят вперемежку. Да и в предыстории Каталога, как можно было видеть, отряды объединялись общими культурами, а не общим происхождением. Мотивировка введения Каталога очень искусственная, и некоторые исследователи (немец Ф.Якоби в частности – Jacoby 1932) считают речь Нестора вставкой. Нестор, как мы теперь знаем, в «Илиаде» поздний герой, и перенос Каталога кораблей в

ле троянцев и никогда в «Илиаде» не называются союзниками троянцев. Они ближе: почти троянцы. Стандартное обращение гласит: «Троянцы, дарданы и союзники» (III, 456; VII, 348; VIII, 497). Таким образом, это хоть и не троянцы, но очень близкий к ним по функции в эпосе народ. Да и Эней, их повелитель, является родственником царя Приама и претендует на его наследство (на это издевательски намекает Ахилл в XX песни). Вот Эней рядом с Гектором и возглавляет список. В обеих ячейках Каталога – только названия народов и вождей, без сведений о местностях.

Затем идет второй эшелон – три отряда с очень подробным, вполне в духе Каталога кораблей, перечислением небольших городков Трояды, распределенных по трем районам, которые отправили эти отряды под командованием соответственно Пандара, Азия и сыновей Мeroпа – Адраста и Амфия. Здесь много местных названий, и совершенно очевидно, что этот эшелон создавался тут же, в Трояде: знание местной географии очень уж детальное.

Наконец с шестого отряда до конца перечисляются союзники. Это третий эшелон. Здесь ход перечня меняется. Союзники перечисляются параллельно ахейцам – с северо-запада на юго-восток: от европейских жителей пеласгов, фракийцев, кикон и пеон к пафлагонцам, населявшим север Малой Азии, оттуда к гализонам, которые обитали где-то за пафлагонцами, затем переходя к мизянам и фригийцам, жившим южнее и восточнее Трояды и, наконец, к меонам, карийцам и ликийцам, населявшим дальше юго-западное побережье Малой Азии, одни южнее других.

Это принцип территориального соседства – певцы помещали ячейки, строго выдерживая географический порядок.

Но с точки зрения литературной формы ячеек (применяя критерии, выработанные на анализе Каталога кораблей), этот третий эшелон составляют две группы отрядов, следующих попеременно. В одной представлены те отряды, где, так же, как у предшествующих, впереди указан народ, а уж затем названы вожди. Таких отрядов 4 – это фракийцы, пафлагонцы, гализоны и мизяне. В другой группе – резкое отличие от всех предшествующих: впереди указаны вожди, а затем ведомые ими племена. Этим отрядам 7: пеласги, киконы, пеоны, фригийцы, меоны, карийцы и, последними, ликийцы.

В обеих группах третьего эшелона содержатся скромные географические указания. Только в одной ячейке первой группы (пафлагонцы) и в одной ячейке второй группы (карийцы) указания более подробные. Но во втором случае это указания не географические, а в отношении пафлагонцев требуется поправка: в древних рукописях три строчки с подробностями (перечень городов и местностей) отсутствуют, они прибав-

лены во II или I веке до н.э.

Если исходить из того же критерия, что и применительно к Каталогу кораблей, то те ячейки, где вождь назван впереди, должны быть в основном более поздними, а где впереди массы – более ранними (возможные исключения – группа Нестора и, быть может, афинская). Это можно проверить по территориальному расположению союзных народов (сама Трояда не в счет – ради объективности: тут есть только ячейки с войском впереди вождей). Взглянем на карту.

Народы с войском впереди вождей явно сосредоточены поблизости от Трояды (см. Meyer 1877; Leaf 1912; 1923; Cook 1973). Фракийцы, чьи страны «объемлет Геллеспонт», и мизяне занимали ближайшие окрестности Трояды: фракийцы – на европейском берегу, а мизяне – с юга, на азиатском. Пафлагонцы из Западной Пафлагонии жили отдельно, но не очень далеко от Трояды, а гализоны – где-то за пафлагонцами. Там их и позже помещали античные авторы под именем халибов (хотя Халиба, «страна отдаленная» у Гомера, известна хеттам в Киликии, на юго-востоке Малой Азии; певец, однако, думал, что она на севере Малой Азии). Вместе с пафлагонцами гализоны «из Халибы» составляют отдельный анклав, в представлении певца вытянутый по северному побережью Малой Азии, прямо на восток от Трояды.

А теперь рассмотрим ячейки с вождями впереди. Эти образуют три блока, для которых придется расширить обозрение (см. Hanfmann 1948; Венедиков 1976; Vasilescu 1980; Гиндин, Цымбурский 1996). Первый блок, северный (пеласги, киконы и пеоны) – далекая европейская периферия, север Балканского полуострова. Второй блок, восточный (здесь только фригийцы) – к юго-востоку от Трояды. Это поблизости от Трояды, но певец думал, что это очень далеко («из Аскании дальней»). Третий, южный (меоны, карийцы и ликийцы) – это по западному берегу Малой Азии на юг вплоть до Ликии («далеко в Ликии»). Получается три языка, высунутых на запад, на восток и на юг. На этом этапе пятно троянской коалиции как бы расплывается по географической карте, расширяясь от 4 ячеек первого типа (у которых народы впереди) к 7 ячейкам второго (у которых впереди вожди). Певцы, видимо, включали в троянскую коалицию все известные им народы востока (между скифами, «доителями кобылиц», на севере и финикийцами, соседями египтян, на юге), а географические познания певцов расширялись из века в век.

Если так, то три ячейки северной Трояды, представляющие в Каталоге самый узкий круг соседей Трои (хотя и не именуемых соседями), должны быть еще более ранними,

Отметим, однако, что южная Трояда почему-то не представлена в этом раннем круге. Но в Каталоге представлена – царством Энея. Его

Дардания расположена на склонах Иды в южной и восточной Трояде. Поблизости от его владений – город Лирнесс у Адрамитского залива. Там Эней спасался от Ахилла, о чем Ахилл ему напомнил в XX песни. Исторические дарданы, указанные надписью Рамсеса II как участники Кадешской битвы на стороне хеттов, к Гомеровскому времени уже не были живым народом, поэтому в «Илиаде» они и выступают с такой неопределенностью. А раньше они обитали где-то в районе проливов: на Балканах есть область Дардания, на азиатском берегу пролива – город Дардан, в Илионе – Дарданские ворота. Размещение древних и реальных дарданов, скорее всего, тяготело к северной Трояде; на южную сторону их оттянула увязка с Энеем. Его владения действительно размещались на юге. А увязка с дарданами – ради престижа: чтобы придать древность царской династии Илиона, ее общим предком был объявлен отделенный от этого народа дух или герой, сын Зевса Дардан.

Такова общая структура Каталога троянских сил. По ней видно, что хотя он и не идентичен ахейскому Каталогу кораблей, но сходство с ним очень значительное. Параллелизация напрашивается.

2. Снова операции с дюжиной. Сначала разберемся с союзниками – благо, они составляют отдельную часть Каталога и хорошо делятся на две группы – с вождями впереди и с народом впереди.

В Каталоге кораблей ячейки с вождями впереди (числа кораблей в этих отрядах 11 и 12) были введены после отрядов, у которых имена вождей стояли позади названий городов и народов. В полном соответствии с представлением о смене демократии аристократическим строем. Но возможно, что отряды Несторовой группы – с 30 (и один с 90) кораблями, всё-таки были введены до этих отрядов с 12 и 11 кораблями. Не совсем ясна и позиция афинской группы в этой последовательности. Значит, в ахейском каталоге ни числа кораблей, ни позиция вождей, строго говоря, не могут считаться всеобщими показателями возраста; они лишь помогают разбить совокупность отрядов на группы (причем по цифрам – лучше, чем по формам представления) и очень приблизительно определить их последовательность. Но цифр в троянском каталоге нет. Зато география ячеек показывает, что распределение их по позициям вождей тут более строгое.

Попытаемся уловить параллелизм в формировании групп между ахейским и троянским Каталогами по связям героев – это пока единственная надежда детально разобраться в троянском Каталоге.

Начнем с ликийского отряда. Среди союзников это одна из поздних ячеек (с вождями впереди), и по порядку она стоит самой последней в Каталоге, что само по себе показательное: это

может говорить о ее позднем включении, хотя, может быть, сказались всего лишь ее крайняя локализация на южном фланге. Так или иначе, она представляет позднюю группу: с вождями впереди.

Ликийский отряд возглавляют Сарпедон и Главк. Первый – сын Зевса, второй – родственник первого по материнской линии (это выясняется в VI песни и других местах «Илиады»). Для критиков обоим толка – и аналитиков, и унитариев (Malten 1944; Howald 1951; Клейн 1994: 164 – 170) – интерпретация этой ячейки Каталога давно не составляет загадки: ликийские вожди вошли в «Илиаду» из местных преданий юго-западной Малой Азии как традиционные противники колонистов Родоса и предполагаемые родоначальники ионийских династий. Еще древние писали: «говорят, что ликийцы всегда враждовали с родосцами». О Главке как предке правителей ионийских городов Малой Азии сообщает Геродот (I, 147). Гибель родосского царя Тлеполема от рук Сарпедона в V песни «Илиады» и напыщенная речь Главка в VI, где он хвастается своим родом, – доказательства этой трактовки.

Схватка Сарпедона с Тлеполем в V песни, несомненно, включена в нее не изначально. Она вставлена в готовую песнь. В песни троянцы во главе с Гектором и богом Аресом теснят ахейцев, и вдруг Тлеполем и Сарпедон выступают из рядов, как если бы оба войска стояли. При этом Тлеполем, хоть его товарищи отступают, первым вызывает Сарпедона на бой, а после боя Одиссей даже порывается преследовать раненого Сарпедона. Куда преследовать? Ведь отступают-то ахейцы, а не троянцы, и Тлеполем убит! Эпизод явно вставной – он не согласуется с обрамляющим текстом. Вот этот вставной эпизод и сводит Сарпедона с Тлеполемом.

Выходит, ликийский отряд, по крайней мере, насколько он представлен в V песни, связан с родосским отрядом Каталога кораблей, а стало быть, и со всей группой 12-корабельных отрядов – Аякса и Одиссея. Показательно то, что в V песни после гибели Тлеполема преследовать раненого Сарпедона хочет Одиссей. А перед всем эпизодом речь идет об Аяксе. Если даже пассаж об Аяксе не принадлежал к эпизоду с Тлеполемом, само помещение эпизода сразу после пассажей об Аяксе скорее всего не случайно: выбор места для эпизода говорит о том, что певец сознавал связь этих героев.

Из прочих отрядов этой группы (с вождями впереди) интересны киконы, народ из Фракии. Они интересны тем, что в «Илиаде», кроме Каталога, вообще не упоминаются. Зато о них кое-что сказано в «Одиссее»: Одиссей на обратном пути из Трои пристал к их берегу, разрушил их город Исмар и бежал оттуда, понеся потери. Приуроченность их исключительно к «Одиссее» говорит о позднем времени их и всей

группы.

Итак, группа союзных отрядов с вождями впереди относится к позднему этапу эпического развития и примерно соответствует 12-корабельным отрядам Каталога кораблей. По аналогии с Каталогом кораблей мы ожидаем, что в троянском Каталоге будет еще одна группа с вождями впереди – соответствующая 11-корабельным отрядам ахейцев. Но такой группы здесь нет. Остались только отряды с вождями позади народов и местностей.

Что ж, обратимся к ним, составляющим, по видимому, более раннюю группу. Она меньше, и заметны в ней тоже два отряда: пафлагонцы и фракийцы. Пафлагонцы обитали на северном побережье Малой Азии, а это значит, что греки, будучи народом морским и зная другие народы главным образом с моря, могли познакомиться с пафлагонцами лишь после освоения проливов в Черное море, то есть на рубеже VIII – VII веков до н.э.

С 12-корабельными отрядами ахейцев мы связали ликийцев. Но фракийцев тоже, как ни странно (ведь это уже другая группа), можно связать с ними. Связать прямо: мы находим 12 кораблей и на троянской стороне. В XI песни (в описании подвигов Агамемнона) есть рассказ об Ифидаманте, сыне Антенора. Этот троянец, женатый на фракийке, примчался из Фракии от своего деда и тестя Киссея на 12 черных кораблях. Так что и в составе троянской коалиции оказывается 12-корабельный отряд, хотя и не в Каталоге.

Но те ли это фракийцы, что в Каталоге? Фракия входит в «Илиаду» неоднократно и в разных вариантах: то, в Каталоге, это страна Акаманта и Пироса (а из рассказа о смерти Пироса в IV песни мы знаем, что это область города Эна, близ киконов), то – в X песни («Долонии») – это страна Реза, далеко в долине Стримона, что течет по Македонии, то это страна уже упомянутого Киссея из XI песни – очевидно, еще дальше, в горах Кисс близ Халкидики (у Гомера часто имена соответствуют местам обитания героев). Районы далеко друг от друга. Возможно, и время вхождения в «Илиаду» разное. Значит, если 12 кораблей были у Ифидаманта, то они не обязательно должны быть также у Акаманта и Пироса в Каталоге. Но, конечно, не исключается, что эти отряды связаны между собой и происходят вместе из времени, когда певцы формировали в своих песнях 12-корабельные отряды. Из времени, когда у певцов было много разных возможностей слышать о фракийцах как противниках греков. Три таких одновременных источника отразились в «Илиаде».

3. Корабли и колесницы. Это тем более не исключается, что ближайшая по времени ступень в ахейском Каталоге – 11-корабельные отряды, а в троянском – отряды ближайших соседей Трои, то есть тех жителей самой Трои,

которые и союзниками официально не именуется, но всё же являются таковыми, раз они прибыли сражаться за Трои-Илион извне священного города. Из самого узкого круга окрестностей. И вот эти-то группы как раз совпадают по некоторым примечательным параметрам!

У древних египтян, хеттов, да и греков на стелах и плитах с победными надписями есть одна особенность: в надписях о морских сражениях счет велся погубленным и взятым у противника кораблям, в надписях о сухопутных битвах – прежде всего колесницам. Это были внушительные боевые единицы – мобильные, автономные, рассчитанные на таранный прорыв, обход с флангов, рейд по тылам. Впрочем, боевая их функция оспаривается. Некоторые ученые полагают, что у греков это было главным образом престижное транспортное средство для подвоза тяжеловооруженных воинов к месту боя. Но если колесница и не была столь действительной боевой единицей, то во всяком случае таковой считалась у самих греков. Приравнивалась в счете к кораблям. Запомним эту аналогию, пригодится.

Группа ближайших соседей Илиона-Трои в Каталоге троянских сил ограничена северной Трои. Эта область разделена между тремя правлениями. Пандару принадлежит Зелия у р. Эзеп в северо-восточной Трое. Адраст с братом владеют Адрастеей и другими местами в центре северной Трои. Азий Гиртакид распоряжается Перкотой и другими городами в северо-западной Трое. Все три района – на побережье пролива. Особое внимание к прибрежным районам естественно для греческих певцов, раз греки – морской народ, но на близком расстоянии для предпочтения могли быть и другие основания.

Герои, управляющие этими районами, особенно славятся своими конями. Об Азии Гиртакиде даже в Каталог внесено, что он примчался «на пламенных конях великих» (II, 838). Его колесницы действуют и вне Каталога в «Илиаде». Он не оставляет их даже там, где другие спешиваются. Перемахивает прямо на своих колесницах через глубокий ров с частоколом (XII песнь). В V песни другой вождь из этой группы, Пандар, сожалеет о том, что не взял с собой в Трои коней:

Коней со мною здесь нет, для сражения нет колесницы;

В Зелии в доме отца у меня их о д и н н а д ц а т ь пышных,

Новых, недавно отделанных; к бережи их покрывала Окрест висят, и для каждой из них двуремные кони Подле стоят, утучняясь полбой и белым ячменем (V, 192 – 199. – Разрядка здесь и далее моя. – Л. К.).

О д и н н а д ц а т ь ! Обе черты – и число, и особое пристрастие к коням дают параллель к 11-корабельной группе Каталога кораблей, В нем превозносились достоинства кобылиц Эвмела, «на бегу, как пернатые, быстрых».

Теперь становится понятной узко северная ориентация в трех наиболее разработанных ячейках, стоящих одним блоком в центре Каталога троянских сил. Им соответствуют три ячейки Каталога кораблей, тесно сомкнутые границами, тоже на севере – в Фессалии и западнее. Там: во владениях Гунея с его энианами и перребами есть «холодная Додона» знаменитое святилище Зевса, где живут селлы, его пророки, «кои не моют ног и спят на земле обнаженной» (XVI, 234 – 255). Здесь: отец Адраста и Амфия – тоже пророк, предвещатель судьбы, удерживавший сыновей от гибельного похода в Трою. Там конями славится Оней, здесь – Азий. Там лучник Филоктет, здесь – Пандар. У Филоктета лук Геркулеса, у Пандара – сокрушительный лук Аполлона. Там 11 кораблей, здесь 11 колесниц.

По-видимому, обе группы – золийскую группу героев из Фессалии и группу союзников Илиона из северной Трояды – формировал один певец.

Если не к этой группе, не к этому певцу непосредственно имеют отношение некоторые пассажи о Гекторе, то во всяком случае и их создавал певец из Эолийского союза 11 городов. У него Гектор так описывается дома, в Илионе: «в двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он пику в о д и н н а д ц а т ь локтей; далеко на древке сияло медное жало копья и кольцо вокруг него золотое» (VI, 318 – 320). Это описание VI песни повторено в конце VIII, где Гектор выступает на совете троянцев. А в конце XV песни, где певец хочет подчеркнуть оружейное превосходство великого Аякса, отстаивающего корабль от Гектора, в могучих руках Аякса оказывается «шест корабельный ... огромный, крепко в суставах сколоченный, д а д ц а т ь д а л о к т я д л и н н о ю» (XV, 676 – 677) – вдвое более длинный, чем копье Гектора. Сложение, как в ячейке Гунея, где по 11 кораблей у перребов и энианов, а всего 22.

Таким образом, противостояние Аякса с Гектором оформлено в «Илиаде» в традициях 11-корабельной и 11-колесничной групп, введенных неким золийским певцом (или певцами).

Но кто ввел ячейку самого Гектора в Каталог? Похоже, это сделано позже. Нужно рассмотреть ее в составе группы.

4. Друзья-соперники. В Каталог Гектор введен вместе с Энеем: их отряды сформированы по одному принципу, имеют схожий облик и стоят рядышком в начале Каталога (и это единственная группа, которую еще осталось разобрать).

Но в остальной «Илиаде» эти два героя, два вождя троянской коалиции почти никогда не общаются – не разговаривают и не встречаются вместе помимо Каталога. Эней разговаривает с соратниками – Пандаром и Деифобом, с врагами – Ахиллом и Диомедом, с богом Апол-

лоном, явившимся в облике Приаида Ликаона. Гектор подолгу разговаривает с друзьями и родными: Гекубой, Андромахой, Парисом, Деифобом, Пулидамантом, Сарпедоном и Главком, обращается с важными речами к врагам – Ахиллу, Патроклу, Аяксу, Диомеду, беседует с богом Аполлоном. Но только один раз Гектор сталкивается с Энеем и обращается к нему с коротким призывом, на который Эней реагирует молча, – это в XVII песни во второстепенном эпизоде (преследование возниц убитого Патрокла). Двое родственников, соратники в борьбе за общее дело, два главных вождя троянской коалиции – и на тебе: столь чужды друг другу.

Более того, Эней вообще редко появляется в сражениях – только в отдельных эпизодах песен V, XIII и XX (если не считать мимолетного появления в XVII). Его нет в III и VII песнях, где описываются поединки троянских вождей с ахейскими и присутствуют видные герои с обеих сторон, нет в VIII, XI – XVI песнях, где содержатся подробные описания общих сражений; нет и в песнях I, IV, X, XXIV, где он мог бы быть, поскольку там действие полностью или частично протекает в лагере троянцев. Его отец Анхиз отсутствует среди старейшин Илиона в «Смотре со стены» (III песнь).

Эти странные обстоятельства не могли пройти мимо внимания самих древних певцов. В XIII песни даже введено объяснение. Эней обычно стоял «в дружинах последних: гнев он всегдашний питал на Приама, ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести» (XIII, 459 – 461). И в XX песни Ахилл издевательски насмеяется над дарданским вождем: «Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает в гордой надежде, что ты над троянцами царствовать будешь, чести Приама наследник? Но если б меня и сразил ты, верно Приам не тебе свое достояние поверит. Есть у него сыновья...» (XX, 179 – 185). А между тем Ахилл издевался напрасно. По «Илиаде», именно Энею суждено перенять царствование над троянцами после гибели Приама и его сыновей. Это пророчает Посейдон: «предназначено роком – Энею спастись... Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно, он и сыны от сынов, имущие поздно родиться» (XX, 302 – 308). Критики давно распознали в этом пассаже пророчество *ex eventu* (от свершившегося).

То есть подразумевается, что певцы, сочинявшие задним числом пророчество, знали, что потомки Энея и впрямь стали царствовать в Трояде или, по крайней мере, претендовали на это. Страбон передает свидетельство более древнего ученого, историка Деметрия из Скепсиса в Трояде, что в Скепсисе еще в его времена, т.е. в I в. до н.э., проживал род Энеадов, некогда царствовавший в Трояде.

Эней – несомненно герой местного происхождения в районе проливов (Malten 1931; Howald 1947; Клейн 1994: 155 – 163). Он всеми

корнями в эолийской среде и чужд ионийскому эпосу.

Гомер, будь то один поэт или собирательный автор «Илиады» (по крайней мере, из основных создателей итогового текста), определенно иониец. Это видно по его диалекту и по именам его героев. В большинстве это имена с ионийскими грамматическим оформлением – с окончаниями на -еус, -ес и др.: Одиссей (греч. Одюссеус), Ахилл или, правильнее, Ахиллей (греч. Ахиллеус), Диомед (Диомедес). У Энея же эолийски оформленное имя – оно оканчивается на -ас (греч. Айнейас). Образовано оно от названия фракийского племени энеев или от названия фракийского города Эн (Айнос), расположенного недалеко от Трояды и колонизованного эолийцами из Кимы, столицы Эолийского союза. Колонисты и могли назвать так своего героя (и не раньше, чем колонизовали берега Фракии). Обычно эолийские элементы в диалектном составе «Илиады» считают пережитками глубокой древности. Но «эолизмы» могли попасть в поэму и очень поздно – из локальных диалектов Кимы, Трояды и других местностей.

А вот Скепис отдал роду Энеадов ионийцы из Милета – отсюда и роль Посейдона, главного бога Ионийской лиги, в спасении Энея и в заботе о судьбе его рода. Забота богов об Энее превосходит всё, что уделено другим героям. О нем заботятся все основные боги, без различия, за кого они ратуют – за троян или ахейцев. Его спасают и проахейский Посейдон и, конечно, протроянский Аполлон, не говоря уже о матери героя Афродите. Аполлон уносит его лечь в свой храм в Илионе – такой чести не удостоился даже Гектор. Эней получил самую развернутую в «Илиаде» генеалогию, и он поставлен ею выше самого Ахилла, на что ему указывает Аполлон: Ахилл рожден низшей богиней, дочерью морского демона Нирея, а Эней – дочерью самого Зевса. Такое непомерное прославление Энея, не совершившего никаких заметных подвигов, порождено явным стремлением певцов, подвизавшихся при дворе потомков Энея в Трояде, потрафить своим покровителям. В этой констатации едины аналитики и унитарии.

Но унитарии уверены, что ко двору Энеадов был близок сам Гомер, единственный автор «Илиады», аналитики же считают, что эпизоды с Энеем вставлены в поэму, когда она прибыла в Трояду, вставлены каким-то поздним местным певцом, который и подвизался при дворе Энеадов.

Гипотеза о том, что Энея включил в «Илиаду» сам Гомер, плохо вяжется с традиционным представлением о Хиосе как родине Гомера и месте создания поэмы. Ведь эта гипотеза не только требует предположить, что Гомер был странствующим певцом и реконструировать его путешествие в Трояду (это всё реалистические допущения), но и подразумевает его длитель-

ное пребывание там, создание каких-то песен «Илиады» там на месте (ведь льстить тамошним вельможам потом, задним числом, отбыв домой, – было бы уже незачем). В предании о Гомере ничего этого нет.

Еще хуже эта гипотеза вяжется с распределением участия Энея по «Илиаде» (Клейн 1998: 390 – 432 и рис. 18). Если бы Эней был включен в «Илиаду» тогда же, когда и Гектор, да еще с желанием польстить потомкам Энея, он был бы гораздо шире и равномернее представлен в поэме. Меж тем, его отделенность от Гектора и его слабое участие в основных действиях поэмы хорошо объясняется из его позднего вторжения в нее. В отличие от Гектора, Эней именно вмонтирован в готовую поэму, ничем не изменяя ее сюжета. Он не совершил в ней ничего великого – не сразил ни одного крупного противника. И понятно почему: все они были уже отданы другим героям, а ему досталось только «пушечное мясо» (так критики прозвали пустые, наспех придуманные имена без биографий). Да еще ему осталась завидная перспектива выхода без вреда из опаснейших ситуаций (с помощью богов, конечно).

Рядом с Энеем, а также в смежных текстах часто оказываются многочисленные сыновья троянского старейшины Антенора (их о д и н н а д ц а т ь), двое из них с Энеем и в Каталоге. Где нет Энея, нет и их. Антенор и сам с большой симпатией изображен в «Илиаде»: он, хоть и троянец, всегда помогает грекам. Род, возводивший себя к Антенору, в историческое время реально существовал. Одна из его ветвей жила во Фракии. Очевидно, и этому местному роду, хоть он и не был царским и не претендовал на родство с Приамом, певцы старались угодить. Видно, не только цари были меценатами.

На самом деле и род Энеадов вряд ли был родственен роду Приама. В генеалогии Энея тоже видны признаки искусственной монтировки. Отец Гектора Приам восходит к Дардану через своего отца Лаомедонта, деда Ила, прадеда Троса (или Троя) и прапрадеда Эрихтония. А Эней через такой же ряд предков подключен к этой генеалогии в среднем звене – к Тросу (Эней – Анхиз – Капис – Ассарак – Трос). Но К. Роберт подметил важную деталь: Приам обычно в «Илиаде» именуется по отчеству не как сын Лаомедонта, а как сын Дардана – Дарданид! Значит, первоначально всей линии предков между Приамом и Дарданом не было, а вместе с тем не было и привязки боковой линии – предков Энея. Весь этот кусок ствола генеалогического древа вместе с боковой ветвью именно ради Энея и был вставлен.

Текстологическим анализом выявляются следы монтировки и в повествовательной ткани поэмы – швы, обрывы действия, несогласованность частей. Все три эпизода «Илиады», в которых главным героем является Эней, – по-

единки с Диомедом, с Идомеием и с Ахиллом – плохо держатся в своем контексте.

Так, только в эпизоде с Энеем (V песнь) Диомед – богоборец, выступает против богов (и это объясняется тем, что он противостоит благочестивому и богоугодному Энею), а в остальной «Илиаде» и в ближайшем контексте Диомед очень богобоязнен. Боги в этом эпизоде совершенно иначе расположены, чем в ближайшем контексте: Аполлон – на поле боя (а был на вершине Пергама); на время поединка Афина выводит Ареса за руку из боя (а до того и после того он возглавлял троянскую рать).

Схватка с Идомеием в XIII песни происходит на левой стороне поля, и в ней присутствует ряд героев (Деифоб, Деипир, Антилох), а в предшествующем тексте все они были в середине поля битвы. На участие в сражении вызвал Идомеием бог Посейдон, но в этом не было нужды: герой и так шел сражаться.

Перед поединком с Ахиллом в XX песни рати выступили друг против друга и Ахилл жаждал сразиться с Гектором, но вместо того – поединок с Энеем. Во время поединка идет сражение обеих ратей, но после него рати опять стоят друг против друга, оставив копья, а Гектор и Ахилл воодушевляют каждый свое войско. Словно бой и не начинался.

Всё это вставки.

Унитарии, конечно, возразят: а разве не мог один и тот же ионийский певец (Гомер), посетив двор Энеадов в Трое, вставить эпизоды с Энеем в свою же готовую поэму? Насчет идеи такой «творческой командировки» я уже приводил свои сомнения. Пора сказать и о другом.

Эней несет на себе приметы значительно более позднего времени, чем Гектор. Признаки принадлежности к гораздо более позднему эпическому слою. Герои Гомера обычно имеют постоянные эпитеты (за постоянные можно в грубом приближении принять повторяемые). Ахилл чаще всего «быстроногий», Диомед – «громогласный», Гектор – «шлемоблещущий», Эней – «предводитель троян».

Такая система постоянных эпитетов складывалась, разумеется, постепенно. Чем раньше вошел герой в эпос, чем древнее его фигура в эпосе, тем теснее приросли к его имени постоянные эпитеты. Чем позже, чем новее герой, тем менее стабильны его эпитеты, тем реже стоят при его имени постоянные эпитеты. Так вот, упоминания Гектора с постоянным эпитетом (эту долю будем называть индексом оснащенности постоянными эпитетами – ОПЭ) составляет 41 процент всех его упоминаний, а у Энея соответствующая доля – только 18 процентов. Это очень большой интервал. Можно сказать, почти на противоположных концах имеющегося в «Илиаде» диапазона (для сравнения: Елена – 65, Одиссей – 56, Ахилл – 38).

Вводя пророчество Посейдона о грядущем царствовании Энея и его потомков над троян-

цами, певец в угодническом раже не заметил, что оно противоречит всему Троянскому эпосу: ведь, согласно эпосу, Троя разрушена и сожжена, троянцы частью погибли, частью ушли в неволю. Должно было очень измениться представление о судьбе Илиона – Трои, чтобы так пренебречь прямым указанием эпоса.

Почему же тогда оба вождя троянской коалиции так тесно связаны в Каталоге? Почему их ячейки одинаковы и расположены рядом, составляя одну группу? Они явно вошли в Каталог вместе. Когда?

Оказаться в начале Каталога они могли по разным причинам: либо потому, что с них началось образование Каталога, либо потому, что их добавили к готовому Каталогу спереди в силу главенства вождей. Группу составляют два отряда – ранний и поздний. Возникнуть одновременно с ранним отрядом группа не могла: еще не было позднего. Остается только одна возможность: группа возникла тогда, когда возник поздний отряд. Она вошла в Каталог с Энеем.

Почему же, однако, Гектор с ним, так сказать, в паре? А потому, что в позднее время в Скеписе, по Деметрию, жило два конкурирующих царских рода: один возводил себя к Энею, другой – к Гектору. И возможно, что для менее знатного рода Энея сугубое уравнение с наследниками Гектора (впрочем, возможно, тоже воображаемыми) представлялось особенно лестным.

Значит, долгое время Каталог существовал без обоих вождей и без отряда самих троянцев? Да, это был *перечень союзников*. Именно такой Каталог, по данным Псевдо-Аполлодора, писателя II в. н.э., числился в «Киприях» – поэме о начале Троянской войны. Он был там на месте. Пришли на помощь союзники, говорилось в поэме, вот их перечень. Оттуда, по предположению современных исследователей, и были оба Каталога перенесены на свое нынешнее место в «Илиаде», которому сама идея обзора войск, первоначального знакомства с ними, плохо соответствует.

5. Негатив Каталога: местности. Итак, исчерпан весь состав Каталога, и, кажется, анализ подошел к концу? Нет, рассмотрено лишь то, что есть в Каталоге. Надо еще обратить внимание на то, чего в Каталоге нет.

Когда сто лет назад на выставке живописи появилась картина Е.Я. Лемана «Дама под вуалью», поэт «Искры» Д. Д. Минаев откликнулся эпиграммой:

Мысль Лемана развить задумавши упрямо,

Явилась у меня задача сумасшедшая:

Картину написать на тему: «Дама,

Из комнаты ушедшая».

В реалистическом искусстве изобразить то, чего нет, невозможно. Но в криминалистике опытные детективы советуют начинающим

работникам с особым вниманием отмечать негативные факты – отсутствие предметов и обстоятельств, которые в норме должны были бы наличествовать. Идея даже вошла в учебники. Ну, а исследователь и следователь действуют одними и теми же методами, ибо тот и другой охотятся за скрытой истиной.

В Каталоге поименованы ряд местностей и ряд вождей. Какие же местности пропущены и каких вождей певцы упустили назвать?

Из местностей, попадающих в поле зрения малоазийских греков, не названы важнейшие греческие города-колонии Малой Азии – Кима, Фокея, Колофон, Эфес, Приена и др. Почему? Это излюбленный вопрос сторонников микенского возраста Каталогов – Пейджа, Аллена и др. Из отсутствия на карте Гомера греческих колоний они делают вывод об отсутствии их в реальности, о доколониальном времени сочинения эпоса, о слабом знакомстве микенских греков с Малой Азией в ту пору. Всё это несурезица.

Певцам известна Пафлагония. Пусть строчки с подробностями и поздние, но без подробностей – известна ведь! Значит, Черное море уже осваивается, а оно открыто плаванию греков только с VIII века до н.э. – это установлено по первым греческим находкам на его берегах. Колонии не названы по очень простой причине – потому что не могли же они участвовать в войне против греков: это же греческие колонии! А с другой стороны, они в Малой Азии – на территории вражеской, так что зачислять их в греческий лагерь тоже нельзя. Они просто не умещались на воображаемой карте Троянской войны. Им там не было места.

Впрочем, одна колония названа – Милет, и это единственный отряд неприятельской коалиции, в описании которого дышит настоящая враждебность. Карийцы, населяющие Милет, говорят речью, «звучащей варварски» (II, 867). Вождь их Амфимах «даже и в битвы ходил наряжаясь златом, как дева. Жалкий! и златом не мог отвратить он погибели грозной» (II, 872 – 873). Он пал от руки Ахилла «в бурной реке». Враждебность к Милету понятна: Милет в VII веке успешно осваивал берега проливов и Черного моря, основывая одну колонию за другой, и бесцеремонно теснил конкурентов. Правда, гибель Амфимаха отсутствует в описании Приречной битвы (песнь XXI), где Ахилл уготовил многим смерть «в бурной реке». То ли автор этой части Каталога был знаком с другой версией Приречной битвы, то ли в стандартном тексте «Илиады» есть пропуски, то ли (и это скорее всего) каталожная история с Амфимахом придумана в развитие Приречной битвы специально, чтобы ущемить Милет.

6. Негатив Каталога: вожди. А теперь зададимся же вопросом, кого из вождей троянской коалиции не хватает в Каталоге. Доста-

точно только поставить этот вопрос, чтобы ответ сразу же стал ясен: не хватает самых главных. Нет царя Приама и нет того его сына, из-за которого началась Троянская война – нет Париса, похитителя Прекрасной Елены. Ну, царь Приам мог бы отсутствовать в Каталоге потому, что он слишком дряхл и не способен вести в бой войска. Однако стариками изображены в поэме Идоменей, Феникс и – куда более древним старцем, пережившим три поколения – царь Пилоса Нестор, но все они участвуют в боевых действиях или, по крайней мере (это относится к Нестору), присутствуют на поле боя и вдохновляют воинов.

А уж Парис, удалой соблазнитель, любимец Афродиты, конечно, молод. Правда, если посчитать, то окажется, что лет молодому любовнику немало, а его прекрасной возлюбленной и того больше. Елена в XXIV песни упоминает, что уже 20 лет находится в Илионе (ст. 765), а до того она с Парисом после ее похищения еще какое-то время скитались по разным странам. Их возраст определяется и таким расчетом (уже по данным других поэмах): после похищения Елены начались уговоры и сборы заступников за Менелая, на что ушло 2 года, затем от первой, ошибочной, высадки до начала осады Илиона еще 8 лет, да десятый год уже длится эта осада, итого 20 лет. А ведь похитил Елену, надо полагать, не младенец, у Елены же ко времени похищения уже была 9-летняя дочь. Значит, в «Илиаде» Парису должно оказаться, к нашему удивлению, под сорок, а Елене под пятьдесят.

Что ж, и в сорок лет воины и особенно полководцы не уходят в отставку. Но, конечно, поэт – не арифметик, и это та логика, с которой он не считается. Для него Парис – молодой воин, божественно прекрасный, он царевич и в поединке сражается против Менелая, представляя всё троянское войско. А коли так, он должен быть в Каталоге – перечне ратей и их вождей.

И он есть! Но не в Каталоге троянских сил, а только в другом, Малом троянском каталоге – в XII песни, в перечне пяти громад. Там он предводительствует второй громадой вместе с Алкафомом и Агенором. А в главном каталоге его нет.

Итак, отсутствуют Приам и Парис. Если исключить «уважительные» поводы для отсутствия, то оно может объясняться хронологическими причинами (вкуче с сюжетными) и притом объясняться двояко: либо эти персонажи вошли в эпос слишком рано, либо слишком поздно. Иными словами, либо они перестали быть активными фигурами в эпосе (или активными воинами) до возникновения Каталога, либо они вошли в эпос после того, как формирование Каталога было завершено. Что-нибудь в этом роде. Причем они не обязательно должны были вступить в эпос вместе; поэтому без одного Каталог мог обойти по первой причине, без дру-

гого – по второй.

Начнем с Париса. Это фигура из очень древнего мифа о Прекрасной Елене – дерзкий соблазнитель, похитивший Елену у ее мужа, спартанского царя Менелая, что и послужило завязкой Троянской войны. Елена – древняя греческая богиня растительности, которой посвящались храмы, дочь Зевса, родившаяся из лебединого яйца, словом, фигура сугубо мифическая, перешедшая из мифа в эпос. Одна из ее главных функций в мифе – как у Персефоны: быть похищаемой. Ее похищает не только Парис, но и аттический герой Тезей (по согласованию сюжетов – до Париса). Она в эпосе с мифической древности, т.е. искони. Недаром у нее столь высокий индекс оснащенности постоянными эпитетами (ОПЭ) – 65.

Иное дело – ее возлюбленный, похититель, новый супруг. В мифе это не столько конкретный персонаж, сколько роль. Исполнять ее могут герои разного происхождения. Среди них Парис, быть может, самый реальный. Что же это за образ? В «Илиаде» он изображен как отрицательный герой: бесчестный, трусоватый, наглый и изнеженный. Эти черты навеяны морализаторским оформлением «Илиады»: Парис осуждался как зачинщик губительной войны и нарушитель святынь законов гостеприимства (украл жену, будучи в гостях). Но сквозь этот мало привлекательный образ просвечивают более древние черты совершенно иного человека – искусного воина, пылкого и храброго (так его аттестует в VI песни Гектор). Его постоянный эпитет – «боговидный». Он стрелок из лука, как все ранние герои (Геракл, Филоктет, Эврит, Одиссей). От его стрел погибают или получают ранения лучшие герои ахейцев: Ахилл (убит), Агамемнон, Диомед, Одиссей (Bethe I: 246, Heitsch 1967). В VI песни есть намеки на то, что он воздерживается от боев, как Ахилл – ибо гневается на троянцев за то, что те хотели выдать врагу его Елену. Как заметил один немецкий ученый прошлого века (Г. Узенер), главный проступок Париса – похищение Елены – был в глазах ранних греков (поры захватнических походов и всеобщего разбоя) не проступком, а подвигом: человек, который сумел увести от мужа самую красивую женщину мира, должен быть великим героем!

В «Илиаде» у него два имени: Парис и Александр. Парис – имя очень позднее. Оно еще малоупотребительно в «Илиаде» – в 4 раза реже второго имени, зато в более поздних поэмах почти полностью его вытесняет. Происходит это имя, по-видимому, от названия городка Парион недалеко от Илиона, а Парион построен в конце VIII – первой половине VII века колонистами с острова Парос. Индекс ОПЭ этого имени – ноль. То есть при нем нет постоянных эпитетов. Зато для имени «Александр» этот индекс составляет 47 – значительно выше, чем для имени «Гектор».

У Александра есть очень конкретный исторический прототип. Среди хеттских документов XIV века до н.э. (глубина-то какая!) сохранился договор с царем Вилусы, а это хеттское название Илиона. Имя царя – Алаксандус! (Luckenbill 1911; Kretschmer 1924; 1930; Клейн 1998: 44 – 45). Из этого договора явствует, что, будучи еще царевичем, этот исторический деятель бежал от мятежников (или от соперников в борьбе за престол) к хеттскому царю Муваталлу (Муталлу) и тот, приняв его, помог ему взойти на трон. Поскольку по хеттским табличкам известно, что в это время аххийява, т.е. ахейцы (греч. ахайвой) претендовали на захват Илиона-Вилусы, то, возможно, не обошлось без их интриг. А по греческой легенде, Александр, бежав с Еленой от ахейцев, находит приют у царя Мотюла. Это совпадение подметил австриец П. Кречмер. И еще совпадение: по договору, царь Вилусы должен был в случае войны хеттов с Египтом прислать на помощь свои войска. А вскоре последовала война с Египтом, в которой египетские надписи отмечают участие на хеттской стороне дарданов – вероятно, вассалов Александра.

Итак, Александр – конкретное историческое лицо из легенды, подставленное под мифический образ. В эпосе это весьма древний персонаж, и его связь с Илионом исконная и имеет реальную историческую основу.

Обратимся к Приаму. Каким бы живым ни выглядел этот старый царь в «Илиаде» – непосредственным, любознательным, многословным, страдающим, патетическим, – приходится отметить явственные следы его позднего ввода в поэму и в эпос вообще (хотя и не столь поздние, как у Энея). Его индекс ОПЭ – 32. Сыновья его при ближайшем рассмотрении оказываются первоначально вовсе не его сыновьями. Их отчество «Приамид» не успело плотно прирасти к их именам. Я уже сравнивал с Ахиллом. Этот герой в «Илиаде» упоминается 340 раз, из них 104 – с отчеством (Пелид, Пелейон) – более трети. А Гектор выступает Приамидом всего 26 раз на 444 упоминания (одна семнадцатая), Александр-Парис – 1 раз из 56.

Образ Приама создавался с определенными художественными функциями. Приам вошел в эпос не как отрагатель агрессии, могучий царь, великий герой, а лишь как несчастный отец: один его сын навлек на весь народ беду, другой, лучший, погиб во цвете лет, остальные перебиты Ахиллом, а столица разрушена и сожжена, да и сам он при этом убит. Таков Приам изначально. Что такому делать в Каталоге?

Как и Александр-Парис, осажденный город тоже имеет два имени; Илион и Троя. При одном употребляется в «Илиаде» один набор постоянных эпитетов (подходящий к условиям местности раскопанного Г.Шлиманом города), при другом – другой набор (местности не соответствующий). Из этого я сделал вывод (см. Клейн 1985а; 1986в; 1998: 20 – 61), что в эпосе

сведены воедино два разных города, но только один из них открыт в Гиссарлыке Шлиманом. И в хеттских письменных источниках XIII века до н.э. фигурируют два соседних города – Вилуса (Илион) и Таруиса или Труйя (Троя). Местоположение второго города спорно, но народ троянцы (тогда это не было население Илиона) были известным морским народом в XIII – VIII вв. до н.э. (этр. *турса, егип. турша), оставившим следы на островах и берегах Средиземного моря в разных местах. Одно из них – в Ликий. Здесь еще в V – IV вв. составлялись надписи на уже мертвом (не обиходном, а только ритуальном) диалекте, который назывался «труели» («по-троянски»), а в числе личных имен в этих надписях фигурирует имя «Приям». Это имя, правда, имеет хорошую общелувийскую этимологию, но фиксация имени в «троянских» ритуальных надписях все же говорит об особой связи.

Очень похоже, что в эпос Александр вошел с преданием об Илионе, а Приам – с преданием о Трое. Как это проверить? Мне пришло в голову вычислить индекс ОПЭ для Илиона и Трои. Напоминаю, что для Александра и Приама эти индексы составляют **47** и **32**. Вычисляю для Илиона: всего упоминаний 105, с повторяемыми эпитетами – 50, процент второго от первого – **47**. Как для Александра! Для Трои: всего – 53, с повторяемыми эпитетами – 17, процент – **32**. Как для Приама! Те же цифры, 47 и 32 – точно! Не верю своим глазам. Пересчитываю для Александра: процент 21 от 45 равен **47**, для Приама: 44 от 137 – **32**. Всё сходится.

В своей публикации я назвал это «коронным доказательством» моей гипотезы. В очень со-

чувственном отклике проф. И. М. Дьяконов (1987) всё же заметил: «Полное совпадение процентов (дважды 32 и дважды 47) слишком хорошо, чтобы служить «коронным доказательством», вернее будет отнести его к случайным совпадениям». Что ж, с формулировкой «коронное доказательство» я, вероятно, переборщил – могут найтись доказательства и получше, так что подождем с коронацией. Но случайность сказалась разве что в особой точности совпадения: только десятые доли процентов разошлись (я здесь их отбросил, округлив числа). Так ведь совпадение было бы разительным и при меньшей точности. Совпадений только два? А кучность индексов для остальных древних героев? А малый индекс для Энея? Метод хорош в целом, хотя механистически пересчитывать проценты в века, разумеется, не стоит. И всё же не отделаться от впечатления, что развитие эпоса своей регулярностью близко к процессам естественной эволюции.

Итак, к тому времени, когда Каталог стал восприниматься не как перечень союзников, а как список всей коалиции, Александр, давно вошедший в эпос, уже был в нем отчужден от воинских доблестей и потому не попал в Каталог. А Приам, вошедший в эпос недавно и сразу человеком невоинственным, мирным, тоже не был включен в Каталог – оказался ему чужд. На вакантное же место для головного эшелона, для собственных отрядов Илиона, встали Гектор и Эней.

Сложение Каталога троянских сил завершилось. А мы получили вдобавок к Каталогу кораблей еще один зонд для погружения в историю «Илиады».

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю. В. 1980. Политическая география Гомеровской Греции (К вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде»). // Древний Восток и античный мир. Москва, Наука: 128 – 152.
- Брагинская Н. В., Леонов Д. Н. 1986. Титаресий, Стикс и Коцит (К интерпретации Каталога кораблей, II, 748 – 755). // Балканы в контексте Средиземноморья. Москва: 46 – 52.
- Венедиков И. 1976. Траките и Илиадата. // Тракия (Пловдив), 3.
- Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. 1996. Гомер и история Восточного Средиземноморья. Москва, РАН - Восточная литература.
- Гордизиани Р. В. 1967. «Каталог кораблей» «Илиады» (Филол.-истор. анализ). Тбилиси, изд. Тбилисского университета.
- Гордизиани Р. В. 1978. Проблемы Гомеровского эпоса. Тбилиси, изд. Тбилисского университета.
- Гордизиани Р. В. 1983. Проблемы композиционной организации в раннегреческом эпосе. // Алексею Федоровичу Лосеву к 90-летию со дня рождения. Тбилиси, изд. Тбилисского университета: 74 – 89.
- Дьяконов И. М. Местоположение Трои и хетты (По поводу работы Л. С. Клейна). // Ibid., 1987, 2: 209 – 211.
- Зелинский Ф. 1916. Из жизни идей. Изд. 3. Петроград, типогр. М. М. Стасюлевича.
- Лопухова О. Б., Ляпустина У. В. 1985. IX авторско-читательская конференция «Вестника Древней Истории» (Москва 28 – 20 мая 1984 г.). // Вестник Древней Истории, 2: 202 – 214.
- Клейн Л. С. 1984. Найдена ли Троя? // Тезисы Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ, Москва, Наука: 26 – 27.
- Клейн Л. С. 1985а. Корреляция имен в Илиаде. // Тезисы докладов совещания "Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней", февраль 1985 г. Москва: 122 – 123.
- Клейн Л. С. 1985б. Найдена ли Троя. // Знание – сила, 3:
- Клейн Л. С. 1985в. Рец. на книгу: Дж. Г. Маккуин. Хетты и их современники в Малой Азии (Macqueen J. G. Hittites, their contemporaries in the Asia Minor, the Russian transl.). // Народы Азии и Африки (Москва), 1: 194 – 198.
- Клейн Л. С. 1986а. Скептический комментарий к началу европейской истории. // Знание – сила, 3,
- Клейн Л. С. 1986б. Кто победил в Илиаде? – Знание – сила, 7:
- Клейн Л. С. 1986в. Илион и Троя (К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса). // Народы Азии и Африки (Москва), 4: 86 – 11.
- Клейн Л. С. 1990а. Троянская война в эпосе и в истории. Послесловие. // Кравчук А. Троянская война.

- Миф и история. Перев. с польск. Москва, Наука: 196 – 217.
- Клейн Л. С. 1990б. Гомеровские названия греков и Древний Восток. // Народы Азии и Африки (Москва), 1: 56 – 67.
- Клейн Л. С. 1990в. Ахейские песни Илиады (К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса). // Путилов Б. Н. (отв. ред.). Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Ленинград, Наука: 212 – 231.
- Клейн Л. С. 1990г. Данайская Илиада. К характеристике источников и формирования гомеровского эпоса. // Вестник Древней Истории (Москва), 1: 222 – 253.
- Клейн Л. С. 1992. Древнейшие песни Илиады. // Вестник Древней Истории (Москва), № 2, с. 15 – 31.
- Клейн Л. С. 1994. Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады». С.-Петербург, Фарн – Художественная литература.
- Клейн Л. С. 1997. «Человек дождя»: коллекционирование и природа человека. // Музей в современной культуре. Сборник научных трудов. Санкт-Петербургская гос. академия культуры. Санкт-Петербург: 10 – 21.
- Клейн Л. С. 1998. Анатомия «Илиады». С.-Петербург, изд. Санкт-Петербургского университета.
- Цымбурский В. Л. 1981. Семантическая структура списков из III песни «Илиады». // Структура текста - 81. Москва, [Наука]: 124 – 125.
- Allen Th. V. 1910. The Homeric Catalogue. // Journal of Hellenic Studies, 30: 292 – 322.
- Allen Th. V. 1921. The Homeric Catalogue of the ships. Oxford, Clarendon Press.
- Allison E. P. 1968. Geographic, ethnic formulas in Homer, the catalogue of ships. Dissertation, University of North Carolina. Summary in Dissertations Abstracts XXIX 1969, 2233 A.
- Andreae B. and Flashar H. 1977. Strukturequivalenzen zwischen den homerischen Epen und der frühen Vasenkunst. // Poetica 9: 217 – 265.
- Benardete S. 1963. Achilles, the Iliad. // Hermes 91 (1): 1 – 17.
- Bethe E. 1901. Homer und die Heldensage. // Neue Jahrbücher für die klassische Altertümer VII: 637 – 676.
- Bethe E. 1914. Homer. Dichtung und Sage. Bd. I. Ilias. Leipzig – Berlin, Teubner.
- Bethe E. 1927. Homer. Dichtung und Sage. Bd. III. Leipzig – Berlin, Teubner.
- Beye Ch. R. 1964. Homeric battle narrative, Catalogue. // Harvard Studies in Classical Philology 68: 345 – 373.
- Boardman J. 1973. The Greeks overseas. Harmondsworth.
- Bowra C. M. 1972. Homer. London, Gerold Duckworth.
- Burr V. 1944. NEWN KATALOGOS. Untersuchungen zum homerischen Schiffs-Katalog (Klio, Beiheft 49 = N.F. 36). Leipzig, Dietrich.
- Cauer P. 1916. Besprechung: Drerups Aufsatz. // Berliner Philologische Wochenschrift, 26.
- Cauer P. 1921. Grundfragen der Homerkritik. 3. Aufl., 1. Hälfte. Leipzig, Hirzel.
- Cook J. M. 1964. Greek settlement in the Eastern Aegean, Asia Minor. Cambridge, Cambridge University Press.
- Cook J. M. 1967. Two notes on the Homeric Catalogue. // Studii micenei ed egeo-anatolici (Roma), 2: 103 – 109.
- Cook J. M. 1973. The Troad. An archaeological, topographical study. Oxford, Clarendon Press.
- Draheim H. 1914. Die Ilias als Kunstwerk. Münster, Aschendorffscher Verlag.
- Drerup E. 1903. Homer. Anfänge der hellenischen Kultur. München und Mainz, Kirchheim. .
- Drerup E. 1913. Das fünfte Buch der Ilias. Grundlagen einer homerischen Poetik. Paderborn, Schöningh.
- Drerup E. 1921. Das Homerproblem in der Gegenwart. Prinzipien und Methoden der Homererklärung (Homerische Poetik. Bd. I). Würzburg, o. V.
- Dümmler F. 1890. Hektor. Zweiter Angang zu: Studniczka F. Kyrene. Leipzig: 194 – 205.
- Düntzer H. 1855. Der Schiffskatalog der Ilias. // Neue Jahrbücher für classische Philologie, 1: 415 – 421.
- Erhardt L. 1892. Ilias B. // Philologus 51: 403 – 421.
- Ferrabino A. 1912. Le interpolazioni nel Catalogo omerico delle navi greche. // Atti della R. Accademia delle scienze di Torino, 70: 239 – 256.
- Finsler G. 1924. Homer. 3. Aufl. Bd. I. Der Dichter und seine Welt. Hälfte 1. Berlin – Leipzig, Teubner.
- Focke F. 1950. Katalogdichtung im B der Ilias. // Gymnasium LVII: 256 – 273.
- Frazer Jr, R. M. 1969. Some notes on the Athenian entry, Iliad B 546 – 56. // Hermes 97 (3): 262 – 266.
- Giovannini A. 1969. Étude historique sur les origines du Catalogue de vaisseaux. Berne, Francke.
- Günert H. 1921. Von der Sprache der Götter und Geister. Halle, Niemeyer.
- Hanfmann G. M. A. 1948. Archaeology in Homeric Asia Minor. // American Journal of Archaeology, LII (1): 135 – 155.
- Heubeck A. 1949. Homerica I. Zur Stellung des Schiffskatalog (B 484 – 779) in der Ilias. // Gymnasium 56: 242 – 254.
- Heubeck A. 1950. Die homerische Göttersprache. // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft, 4: 197 – 218.
- Heitsch E. 1967. Der Zorn des Paris. // Fries E. (Hrsg.). Festschrift für Joseph Klein zum 70. Geburtstag. Göttingen, Vandenhoeck, Ruprecht: 216 – 247.
- Heitsch E. 1969. Epische Kunstsprache und homerische Chronologie. Heidelberg, Winter.
- Homan L. E. 1972. The Trojan allies. Thesis at Californian State College at Fullerton (Summary in Masters Abstracts X, 58).
- Hooker J. T. 1988. The cults of Achilles. // Rheinisches Museum, Neue Folge, 131 (1): 1 – 7.
- Hope Simpson R. 1966. The seven cities offered by Agamemnon to Achilles. // British School at Athens Bulletin 61: 113 – 131.
- Hope Simpson R., Laeseny J. F. 1972. The Catalogue of the ships in Homer's Iliad. Oxford, Clarendon Press.
- Housman A. E. 1921. The application of thought to textual criticism. // Classical Association Proceedings XVIII: 67 – 84.
- Howald E. 1947. Aineias. // Museum Helveticum, IV: 69 – 73.
- Howald E. 1951. Sarpedon. // Museum Helveticum, VIII: 111 – 118.
- Huxley G. R. 1956. Mycenaean decline, the Homeric Catalogue of ships. // Bulletin of the Institute of Classical Studies 3: 19 – 30.
- Jachmann G. 1955a. Eine Studie zum homerischen Schiffskatalog. // Studi in onore di Gino Funaioli. Roma, Signorelli: 141 – 156.
- Jachmann G. 1955b. Die Anlage des Troerkatalog. // Festschrift für Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen zu Ehren des Ministerpräsidenten Karl Arnold... Köln – Opladen, Westdeutsche Verlag: 49 – 60.
- Jachmann G. 1958. Der homerische Schiffskatalog und

- die Ilias. Köln – Opladen, Westdeutsche Verlag.
- Jacoby F. 1932. Die Einschaltung des Schiffskatalog in die Ilias. // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl., 1: 572 – 618.
- Köchly A. 1853. De genuina catalogi Homericum forma. Zürcher Lektionsverzeichnis, Progr.
- Korfmann M. 1992. Die prähistorische Besiedlung südlich der Burg Troja VI/VII. // *Studia Troica* 2: 123 – 146.
- Krappe A. H. 1941. "Aholwv SminqeuV. // *Classical Philology*: 133 – 141.
- Kretschmer P. 1924. Alakšanduš, König von Vilusa. // *Glotta* 13: 205 – 213.
- Kretschmer P. 1930. Zur Frage der griechischen Namen in den hethitischen Texten. // *Glotta* 18: 161 – 170.
- Leaf W. T. (ed. & comment.). 1900 – 1902. The Iliad. 2d ed. Vol. I – II. London, Macmillan & Co.
- Leaf W. T. 1912. Troy. A study in Homeric geography. London, Macmillan & Co.
- Leaf W. T. 1915. Homer, history. London, Macmillan & Co.
- Leaf W. T. 1922. The Homeric Catalogue of ships. // *Classical Revue* XXV: 52 – 57.
- Leaf W. N. 1923. (ed. & comment.). Strabo on the Troad. London, Cambridge University Press.
- Lloyd G. E. R. 1962. Right, left in Greek philosophy. // *Journal of the Hellenic Studies* LXXXII: 56 – 66.
- Lohmann D. 1970. Die Komposition der Reden in der Ilias. Berlin, de Gruyter.
- Luckenbill D. D. 1911. A possible occurrence of the name of Alexander in the Boghaz-keui tablets. // *Classical Philology* 6: 85 – 86.
- Malten L. 1931. Aineias. // *Archiv für Religionswissenschaft*, XXIX: 33 – 59.
- Malten L. 1944. Homer und die lykischen Fürste. // *Hermes*, 79: 1 – 12.
- Marot K. 1953. La Béotie et son caractère «hesiodique». // *Acta Antiqua Hungarica*: 261 – 323.
- Marot K. 1960. Die Anfänge der griechischen Literatur. Budapest, Akademia.
- Meister K. 1921. Die Homerische Kunstsprache. Leipzig, Teubner (repr. 1966).
- Meyer E. 1877. Geschichte von Troas. Leipzig, Engelmann.
- Müller K. O. 1844. Orchomenos und die Mynier. 2. Aufl. Breslau (1. Aufl. 1820).
- Myres J. L. 1932. The last book of the Iliad. // *Journal of Hellenic Studies*, LI: 265 – 296.
- Nilsson M. P. 1905. Kataploi (Beiträge zum Schiffskataloge und zu der altionischen nautischen Literatur). // *Rheinisches Museum für Philologie*, Neue Folge 60: 161 – 189.
- Nilsson M. P. 1933. Homer, Mycenae. London, Methuen.
- Niese B. 1873. Der homerische Schiffskatalog als historische Quelle betrachtet. Kiel, Schröder.
- Notopoulos J. A. 1957. Homer, Geometric art. // *Athena* 61: 65 – 71.
- Otterlo W. A. A. van. 1944. Untersuchungen über Begriff, Anwendung und Entstehung der griechischen Ringkomposition. // *Mededeelingen der Nederlandsche Akademie van Wetenschappen*, Afd. Letterkunde, N.R. 7 (3). Amsterdam.
- Otterlo W. A. A. van. 1948. De Ringkompositie als opbouwprincipe in de epische gedichten van Homerus. // *Verhandlingen d. Kon. Nederlandsch. Akademie van Wetensch. Afd. Letterkunde* N. R. 51 (1). Amsterdam.
- Page D. 1959. History, the Homeric Iliad. Berkeley – Los Angeles, University of California Press.
- Powell B. B. 1978. Word patterns in the Catalogue of ships (B 494 – 709). A structural analysis of Homeric language. // *Hermes* CVI: 255 – 264.
- Raspe G. L. H. 1869. Der sogenannte Schiffskatalog in der Ilias. Cüstrow, Progr.
- Roscher W. H. 1909. Die Tessarakontaden und Tessarakontadenlehren der Griechen und,erer Völker. Ein Beitrag zur vergleichenden Religionswissenschaft, Volkskunde und Zahlenmystik sowie zur Geschichte der Medizin. // *Berichte über die Verhandlungen der K. Sächsischen Gesellschaft der Wiss., philol.-hist. Kl. Bd. 61, H. 2*: 17 – 206.
- Sarkady J. 1974. Über die Zahlenangaben in Homerischen Schiffskatalog. // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock*, Jg. 1974, Gesch.-sprach. Reihe, H. 3: 205 – 208.
- Schadewaldt W. 1965. Von Homers Welt und Werk. 3. Aufl. Stuttgart, Koeler.
- Shepard J. T. 1922. The pattern of the Iliad. London, Methuen.
- Schmid W. 1925. Der homerische Schiffskatalog und seine Bedeutung für die Datierung der Ilias. // *Philologus*, 80: 67 – 88.
- Schwartz F. L. W. 1871. Über die Böotia des Homers, namentlich in ihrem Verhältnis zur Composition der Ilias. // *Programm-Abhandlungen des Ruppiner Gymnasiums pro 1871*. Neu-Ruppin: 3 – 18.
- Schwartz E. 1901. Agamemnon von Sparta und Orestes von Tegea in der Telemachie. *Strassburger Festschrift zur XLVI Versammlung der deutscher Philologen und Schulmänner*: 23 – 28.
- Solders S. Die aussertädtischen Kulte und die Einigung Attikas. Lund 1931.
- Stählin F. 1907. Das hypoplakische Theben. Eine Sagenverschiebung bei Homer. München, Kutzner.
- Stählin F. 1923. Der geometrische Stil in der Ilias. // *Philologus*, 78 (N.F. 32): 280 – 301.
- Stubbings F. 1964. The expansion of the Mycenaean civilization. Cambridge, Cambridge University Press (*Cambridge Ancient History*, rev. ed., fasc. 26.).
- Stürmer F. 1919. Zahlensymmetrien in der Ilias. // *Berliner Philolog. Wochenschrift*, Jg. 39, Nr. 33/34, Sp. 803 – 815, Nr. 35, Sp. 832 – 839.
- Toynbee A. J. 1969. The Homeric Catalogue of the contingents in Agamemnon's expeditionary force. // *Toynbee A. Some problems of Greek history*. London, Oxford University Press: 1 – 12.
- Trencsényi-Waldapfel I. 1963. Der Mäusegott bei Homer. // *Acta Universit. Carolinae, Philos. et Hist.*, 1 (Graecolatina Pragensia II): 211 – 223.
- Vasilescu M. 1980. Les Thraces dans les épopées homériques. // *Actes du Ile congrès international de thracologie*. Bucarest 1976. T. I: 151 – 164.
- Vox O. 1976. Premesse per il catalogo troiano. // *Belfagor* 31: 565 – 569.
- Wace A. J. B., Thompson M. S. 1912. Prehistoric Thessaly. London, Cambridge University Press.
- Wade-Gery H. T. 1936. Kynaithos. // *Greek poetry, life*, 56. Oxford.
- Wade-Gery H. T. 1952. The poet of the Iliad. Cambridge, Cambridge University Press.
- Watkins C. 1970. Language of Gods, Language of Men. // *Puhvel J. (ed.). Myth, law among the Indo-Europeans*. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press: 1 – 17.
- Wilamowitz-Möllendorff U. von. 1884. Homerische Untersuchungen. Berlin, Weidmann.
- Wilamowitz-Müllendorff U. von. 1912. Die griechische und lateinische Literatur und Sprache. 3. Aufl. Leipzig, Teubner.